

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Аркадий Шушпанов
ТЕНЕВОЙ ДОЗОР

Дозоры

Аркадий Шушпанов

Теневой Дозор

«АСТ»

2015

Шушпанов А. Н.

Теневой Дозор / А. Н. Шушпанов — «АСТ», 2015 — (Дозоры)

ISBN 978-5-17-088483-4

Бывших дозорных не существует. Даже в Сумраке – вечной обители ушедших Иных. Там, где размываются границы Тьмы и Света. Там, где нет игр Дозоров, но нет и покоя. Там, на нижних слоях реальности, нашли последнее пристанище те, кого не примут ни рай, ни ад. Те, кто продолжают любить, страдать и помнить. Они бросают вызов Тьме и Свету даже за порогом небытия. Бывших дозорных не существует... А значит, миру теней нужен свой Дозор. Теневой Дозор.

ISBN 978-5-17-088483-4

© Шушпанов А. Н., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Аркадий Шушпанов

Теневой Дозор

© С. Лукьяненко, 2013

© А. Шушпанов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Данный текст бросает тень на дело Света.
Ночной Дозор

Данный текст бросает тень на дело Тьмы.
Дневной Дозор

Часть 1

Подъем теней

Пролог

– Скоро Рождество...

Ива Машкова, глядя на улицу сквозь высокое окно, уронила эти слова, как россыпь снежных хлопьев.

– Ты веруешь? – отозвался рыжий валлиец Майлгун Люэллин.

Иногда он бывал слишком бесцеремонен. Хотя, может, европейцы к подобным вопросам относятся легче. По крайней мере у Дмитрия Дреера, который стоял рядом, не вышло бы это бросить вот так запросто.

– Нет. – Ива покачала головой. – Как-то с детства не получалось. У нас тогда еще кругом был атеизм. Даже когда Иной стала, ничего не поменялось. Но Рождество тоже люблю. Мы его всегда праздновали.

– А я – да, – ответил Майлгун. – Все доктора, наверное, верят, даже если себе не признаются. Но у меня это тоже с детства. Помню, каждое воскресенье в церковь ходили.

– В какую? – поинтересовался Дмитрий, рисуя в голове стрельчатый готический храм, каких насмотрелся здесь, в Праге.

– Я православный, – сказал рыжий целитель.

Дмитрий его даже не сразу понял.

Они разговаривали на английском, причем и житель туманного Альбиона Люэллин, и урожденная чешка Ива выучили язык, так сказать, естественным путем. Один с пеленок, другая – со школьной и университетской скамьи. А вот Дмитрию пришлось догонять магическим образом, что быстрее, но куда менее эффективно. Майлгун проговорил буквально «я ортодокс», и Дреер не в первую секунду сообразил, что тот имеет в виду.

Изрядно удивил. Верующие маги, даже Темные, хотя и редкость, но все же не очень большая. А вот православный валлиец...

– А ты что думал? – ухмыльнулся рыжий. – В Уэльсе очень много православных. Как у вас, в России, я слышал. А ты сам?..

– Не знаю. – Дмитрий замялся. – Не определился.

– У нас полный набор, – широко улыбнулся Майлгун. – Атеист, верующий и тот, кто еще не определился. Он может сдвинуть равновесие в любую сторону, как все Инквизиторы.

– Инквизиторы должны поддерживать равновесие между Светом и Тьмой, – задумчиво сказала Ива, все так же глядя на вечернюю Прагу. – Чтобы день сменялся ночью, а потом наступал новый день... А иначе зачем мы здесь? Мы же все трое были Светлыми...

Вот об этом спрашивать было не принято – о причинах, по каким ты оказался в Инквизиции. Никто не идет в магические жандармы прямым путем. Каждый проходит свой, и всегда шагу в Серые предшествует драма. Чья-то смерть как минимум.

Нужно очень сильно пострадать, чтобы разувериться в деле Света или послать к чертям саму Тьму. Очень сильно испугаться настоящей, а не «холодной» войны между ними. Или просто разочароваться в победе.

Поэтому Дмитрий вслух никогда не интересовался, что же побудило добряка-целителя из Монмута и девушку – боевого мага с дипломом лингвиста из Брно оставить службу в Ночном Дозоре и поступить на курсы Инквизиторов. А вот своих резонов не скрывал. Вернее, цепочку истинных обстоятельств он не выдал бы никому, разве что под пыткой или очень сильным

допросным заклинанием. Но, к счастью, ни то ни другое применять к курсанту Дрееру, похоже, не собирались.

Зато у Дмитрия имелась официальная версия, и ее он рассказывал охотно.

По этой версии – основная часть была абсолютной правдой, – он работал в школе-интернате для трудновоспитуемых Светлых и Темных детей. Вернее, детьми они были совершенно обычными, а все трудности в их воспитании сводились к проблемам в соблюдении Договора. Для того школу и учредили, чтобы не мытьем, так катаньем приучить строптивцев к порядку. Дреера позвали вести русский и литературу – это лишь в книгах школа волшебства обучает одной только магии. И вдруг выяснилось, что Светлый Дреер хорошо ладит со всеми учениками, без разбора цвета и наклонностей. А там как раз освободилось место надзирателя. Из всего же педсостава на роль больше всего подходил словесник, да никто другой, если честно, и не рвался. Тут уж волей-неволей пришлось идти в Инквизиторы.

– Мы можем отпраздновать Рождество дважды, – не унимался весельчак Люэллин. – Сначала католическое, затем православное. Все равно домой не ехать...

Новоначальных Инквизиторов не отпускали с первого и до последнего дня обучения. Впрочем, их домом отныне считалось Бюро. Многие, открыв в себе дар Иного, постепенно утрачивали контакт с родными людьми, а Инквизиторы, как правило, были совсем одиноки.

Это не мешало, однако, заводить романы в своем кругу. Все-таки они оставались существами из плоти и крови. Дмитрий наблюдал, как зарождается нечто между Ивой и Майлгуном. Скрыть отношения от общего друга коллеги-любовники не могли. Красивая Машкова была симпатична и Дрееру, но свои шансы тот оценивал невысоко. Ива приближалась к первому уровню, а Дмитрий приехал в Прагу с седьмым. Правда, усилиями новых приятелей он сумел подняться до четвертого – неслыханная авантюра как минимум за полвека! Но все равно ему до Ивы оставалось как от Земли до Луны.

Машкова продолжала смотреть в окно, несмотря на все старания Майлгуна. Прагу ласкал мягкий снег. Белая мантия ложилась на камень мостовых, на стены, на башни с куполами, похожими на капюшоны Серых.

Если города бывают Иными, то Прага была единым городом-Инквизитором.

– Наша красавица в раздумьях, – сказал, не переставая улыбаться, Майлгун. – Деметриус, не развлечь ли нам себя старинным боем на мечах?

Он поднял клинок.

Весь курс, одетый в фехтовальные костюмы, маялся в ожидании преподавателя. Уже раздавался звон. Как всегда, им заранее не сообщили, чему станут учить. В расписании только говорилось на латыни, где и когда начнутся занятия.

Молчаливый распорядитель отпустил всем амуницию. Раздевалка и душ, кстати, оказались общими для «мальчиков» и «девочек».

Фехтовальные костюмы отличались от спортивных несколько старомодным кроем и цветом. Вместо белоснежного – привычный курсантам мышиный. Рапиры им выдали тоже не учебные, а практически настоящие, тяжелые, разве что затупленные. И еще кинжалы. Ива, несмотря на звание боевого мага, оружием не заинтересовалась и отставила в сторону. Дмитрий вертел в руках, а Майлгун радовался, как в двенадцать лет, и отвлекся только на реплику девушки о Рождестве.

Дреер посмотрел на оружие сумеречным зрением. Никакой магии в рапире не ощущалось: ни в клинке, ни в чашке, ни в рукоятке, ни в малопонятных загогулинах эфеса. С кинжалом то же самое.

Впрочем, в Инквизиции приходилось учиться и довольно странным, а то и вовсе неприятным вещам. А фехтование – это, наверное, даже романтично...

Два курсанта уже пробовали скрещивать рапиры, надев сетчатые маски. Получалось у них даже неплохо, видимо, каждый успел когда-то получить несколько уроков. Вполне могло

случиться, что поединщики застали времена, когда владение шпагой еще многое решало в житейских вопросах.

Дмитрий уже привык быть самым слабым Иным на курсе, даже с новообретенным четвертым уровнем. Куда сложнее было привыкнуть, что в свои календарные двадцать восемь он еще и самый юный. Едва ли не единственный, у кого тут совпадали видимый и биологический возраст. Даже с Ивой Машковой, чье стройное тело выглядело и функционировало, как в двадцать пять, у них была разница в годах не меньшая, чем у Есенина и Айседоры Дункан. Так что не один только уровень девушки смущал Дреера. А рыжий Майлгун, который вел себя временами как совершеннейший оболтус из школы Дмитрия, и вовсе родился на месяц раньше сэра Пола Маккартни.

– Деметриус! – воскликнул совершеннейший оболтус. – Ты принимаешь мой вызов или нет?

Он переименовывал имя Дреера то ли потому, что так было легче произносить, то ли намекая на персонажа «Сна в летнюю ночь».

Бывший педагог-словесник не успел ответить.

– Сеньоры! Так обращаться с рапирой крайне неудобно! – раздался насмешливый голос.

Вдруг оказалось: в центре зала стоит невысокая фигура в таком же фехтовальном костюме, что и курсанты, но абсолютно черном и без маски. У фигуры были темные, не слишком густые волосы, тонкие усы и аккуратная эспаньолка на узком подбородке.

– Это не шпага! Нужно повернуться к сопернику левым боком и защищаться кинжалом.

Внимание аудитории теперь было приковано к невысокому Иному. Даже Ива Машкова отвернулась от окна и с любопытством смотрела на коротышку. Тот ответил на ее взгляд и галантно поклонился. А затем обратился ко всем сразу:

– У вас тринадцатый цикл занятий! Поэтому можете называть меня, как принято, Тринадцатым. А можете просто – дон Рауль, сеньоры... – Он еще раз метнул взгляд, точно стилет, в сторону девушки и попал в «десятку» с микронной точностью. – ...И сеньориты!

Дмитрий заметил, как щеки Ивы слегка порозовели. Больше того, он уловил совсем незаметное и, кажется, бессознательное движение подруги в сторону испанца. Машкова прекрасно владела собой, но тут дернулись сами инстинкты.

Дон Рауль, он же Тринадцатый, церемонно развел руки, затянутые в черные перчатки до локтей, и поклонился.

– Вам предстоит курс ближнего магического боя. На мой старомодный взгляд, чрезвычайно короткий. Прошу всех немедленно надеть маски, взять оружие и разбиться на пары!

– Зачем нам эти железки? – высказался один из двух фехтовальщиков, с иронического комментария в чей адрес дон Рауль начал знакомство с курсантами. – При чем тут магия?

– Резонно. – Коротышка подкрутил жесткий ус. – Хорошо, потратим несколько минут. Все учились делать «фризы»?

Курсанты, переглядываясь и усмехаясь, заверили, что да. Заклинание локальной «заморозки» времени Инквизиторы применяли нечасто, отлавливая нарушителей своей фирменной Сетью. Однако талантливые и хитрые Иные порой сбрасывали обычные силовые инквизиторские путы.

– Можно было бы побаловаться магией огня, но в этом зале очень хороший старый паркет. Жаль его испортить! Прошу встать в круг – и как можно шире! Когда я подам знак, вы все стараетесь поразить меня «фризом». В один момент!

– Мне уже больше нравится, – прошептал Дмитрию Майлгун. – Давно в снежки не играли!

Курсанты азартно шевелили пальцами, зажигая на кончиках синеватые искры. Те набухали, как бутоны, и распускались в небольшие полупрозрачные сферы величиной с теннисный мяч. Над сферами поднимался пар, словно их вырезали из сухого льда.

– Перед вами рапира, сеньоры! – В руках у Инквизитора точно из ниоткуда возникло длинное стальное оружие с богатым эфесом. Следом дон Рауль достал из воздуха кинжал-дагу. – Вместо нее в ваших руках может быть все, что угодно. Сейчас это просто клинок, и ничего больше. На ваших глазах я вливаю сюда толику магии отражения. Всем видно?

По лезвию от чашки до острия пробежал огонек. Могло показаться, что в рапиру вмонтированы незаметные издала светодиоды. Дон Рауль наверняка мог обойтись и без спецэффектов, но сейчас ему для чего-то понадобилась наглядность.

Инквизитор принял боевую стойку. Что-то неуловимо совершенное читалось в его позе, как будто сокращение каждой мышцы было отшлифовано столетиями.

А затем дон Рауль резко выкрикнул, как в цирке:

– Allez!

Начался и правда почти что цирковой спектакль, спрессованный в пару секунд. Те, кто устоял на ногах и вообще смог двигаться после всего, даже заплодировали.

«Фризы» полетели залпом. Невысокий испанец словно перетекал с места на место, отражая их холодной сталью. Какие-то от прикосновения рапиры просто осыпались ледяной крошкой на старый паркет, другие же дон Рауль ухитрился нанизать на клинок и молниеносным броском запустить обратно.

Самые опытные маги увернулись. Точнее, догадались натянуть на себя «сферу отрицания», перед тем как начать обстрел. Догадливых нашлось ровно три человека, и среди них Ива Машкова.

А вот Майлгуна приморозило, и тот застыл в неловкой позе с удивленной гримасой.

Действие «фриза» напоминает детское «Замри!». Парализует и не дает причинить никакого вреда. Можно даже упасть с крыши на мостовую и ничего себе не сломать и не отбить.

Весь этот короткий бой напомнил Дмитрию фильм, однажды случайно увиденный в гостинице по телевизору. Там герой лихо перемещался с двумя пистолетами, словно танцевал с саблями, одновременно стреляя и уворачиваясь от выстрелов с близкого расстояния. Дон Рауль проделал это со шпагой и кинжалом против двух с лишним десятков «фризов». Свой Дреер так и не запустил.

– Смелее, юноша! – поощрительно улыбнулся испанец. – Только храбрость равняет ранги!

Он видит уровень насквозь, подумал Дмитрий. Такому, наверное, даже магия не требуется, чтобы точно оценить, кто перед ним. Уровень самого дона Рауля оставался для Дреера загадкой. Тем более нельзя было понять, к чему испанец склонялся до Инквизиции – к Свету или Тьме.

Словесник все же запустил «фриз». Но сначала вспомнил материал одного из курсов. Кажется, девятого по счету. Использование материальных и нематериальных сущностей. Вообще-то магия высшего порядка. Но у Дреера, как ни странно, это было то немногое, что получалось хорошо – сказывалось образное мышление и богатая фантазия. Благодаря им он повысил свой уровень через «зеркала Чапека». Благодаря им же научился создавать Канцелярских Крыс, чей укус временно лишал Иного способностей к волшебству, отключая все эмоции. А еще мог давать Ум Взаимы. После этого всегда чуть глупеешь и будешь потом вынужден заново повышать умственные способности. Зато получаешь, к примеру, интеллектуальный файербол – псевдоразумную магическую бомбу, которая может творчески разить противника.

«Фриз», наделенный от щедрот ума Дреера, взмыл к потолку и атаковал оттуда фехтовальщика, словно небесная кара. Испанец уходил с изяществом и грацией тореадора, но и сообразительный «фриз» ускользал от быстрых лезвий, пока дон Рауль внезапно и точно не ударил тот наверху рукоятки, посылая в Дреера, как «резаный» шарик в настольном теннисе.

А Дмитрий почувствовал другой внезапный удар – под колено. К счастью, не в чашечку, а в сустав, так что нога сама подкосилась, и поглупевший на пару сотых курсант растянулся на

полу. Именно тогда отбитый испанцем «фриз» пролетел над ним и врезался в стену. Предусмотрительно заговоренная стена проглотила чары и даже причмокнула.

Дмитрий приподнялся и взглянул на Иву Машкову – удар пришел с ее стороны. Девушка кивнула словеснику.

Отдавая Ум Взаимы, Дреер позабыл о защите. От цепкого сумеречного взгляда Машковой это не укрылось.

– Превосходная реакция, сеньорита! – воскликнул дон Рауль и поглядел сверху вниз на Дреера: – Юноша, тоже неплохо! А теперь расколдуйте ваших компаньерос!

Ива шелчком пальцев привела в чувство Майлгуна. Дреер поднялся. Получившие сдачи курсанты оживали и разминали суставы.

– «Сфера отрицания» – это разумно. – Фехтмейстер поднес руку ко лбу, видимо, желая проиллюстрировать. – Но не советую полагаться на нее целиком и полностью. Так же как на эту новомодную штуку... бронежилет. Лучший способ защиты – контратака. А я вам покажу иную сферу.

Казалось, дон Рауль чертит по полу рапирой, словно циркулем. Острие не касалось хваленного паркета, зато на тщательно подогнанных досках засветилась окружность, пересеченная множеством линий.

– Когда я начинал изучать *la destreza*¹, все решал магический круг. В нем заключены все вероятности ближнего боя! Этот круг создал один Светлый. Он хотел научить людей совершенной системе защиты, ведь без магии выжить в сражении шанс невелик. Он предусмотрел углы, положения тела, линии атаки и перевел все на язык геометрии. Но не предусмотрел главного...

Испанец выставил рапиру перед собой, как будто прокалывал невидимого противника.

– ...В первую очередь люди будут убивать друг друга, а не защищаться. Не знаю, что с ним стало потом. Наверное, с горя ушел в Сумрак. Однако этот круг теперь поможет вам. Помогает же старая алхимия в курсе магии вещества!

– Но ведь «фриз» – не шпага! – обиженно заявил молодой Инквизитор из тех, кто не увернулся.

– Искусство боя не стоит на месте, сеньоры! – еще шире улыбнулся фехтмейстер и сделал несколько взмахов рапирой. Он управлялся с ней так, будто клинок был легким, как дирижерская палочка.

А нарисованный на полу круг стал объемным, заключив дону Рауля в сферическую клетку, точно черного дрозда. Разве что жердочки не хватало.

– Если добавить еще одно измерение, можно провидеть атаки со всех сторон. – Дон Рауль вдруг перестал улыбаться и показал себе под ноги. – Включая преисподнюю...

Дмитрий отчего-то решил, что под защитным жилетом у испанца наверняка прячется деревянный нательный крестик.

– Вы учите древние языки, сеньоры, чтобы познать метафизику заклятий. Овладев секретами магической сферы, вы можете одолеть мага рангом выше, чем ваш собственный. Если, конечно, он допустит ошибку. Вроде моей...

Учитель фехтования сорвал перчатку с правой руки и пошевелил пальцами. Что-то в этой руке было неправильное. Но что именно, Дмитрий понял, лишь когда поднял тень от своих ресниц и глянул сумеречным зрением.

Вместо кисти он увидел чрезвычайно сложный протез, похожий на замысловатый часовой механизм. Пружины, шестеренки, рычажки – и все довольно архаичного вида. Дон Рауль напоминал сейчас эдакого Терминатора в манере «стимпанк».

Ива Машкова тоже завороченно изучала протез, невероятное сочетание механики и волшебства. Какой гений мог придумать такое несколько столетий назад? В этот момент для

---

¹ «Дестреза» – старинная испанская система фехтования тяжелой рапирой.

девушки наверняка существовал один-единственный мужчина, пусть и уступавший ей в росте целую голову.

Рыжий валлиец рядом с Дмитрием тихо присвистнул:

– Вот она, железная рука Инквизиции...

Глава 1

Дреер не учился в автошколе и сейчас не мог бы уверенно сказать, какой именно знак промелькнул справа. Однако нога перестала давить на педаль газа, а рука, потянувшаяся было включить третью передачу, чтобы обогнать идущую впереди фуру, не закончила движение.

Кажется, все-таки «обгон запрещен».

Фигурка охотничьего пса на панели приборов одобрительно качала головой.

Что такое третья передача и для чего нужно было включать именно ее, Дмитрий представлял себе тоже очень смутно. Тем не менее он при желании смог бы вести не только служебную «хонду», но и тяжелый грузовик с прицепом – примерно как тот, что собирался обогнать, – и вертолет, и даже пассажирский лайнер. А вот объяснить, как это делает, – ни в коем случае. Когда знание по-быстрому вкладывается в голову и рефлекс с помощью волшебства, почему-то всегда выходит именно такой эффект.

Точно так же Дмитрий говорил на четырех живых европейских языках и двух мертвых, но толком не сформулировал бы ни одного правила. А если начинал хотя бы задумываться о грамматике, то наружу вылезал страшный акцент. Такое вот побочное действие.

Впрочем, знания и навыки, полученные магическим путем, не сравнятся с добытыми потом и кровью или воспитанными с детства. Именно потому многое в Инквизиторов вбивают не магией, а рутинной зубрежкой. Мечты лентяев о волшебных таблетках – всего лишь мечты. Волшебные таблетки существуют, но только слабосильные или с кратким действием. К примеру, вложенные на курсах приемы могли сработать при внезапной стычке, но опытный боксер без труда расписал бы Дреера и под гжель, и под хохлому. Если, конечно, вести честный бой.

В искусстве крутить руль Дмитрий тоже уступал простому работяге-шоферу, не говоря уже об автогонщике. Зато ни один автогонщик не умел просматривать грозди линий вероятности.

А еще Дмитрий был на задании, потому и мог водить. Для самого себя он сумел бы в лучшем случае запустить мотор. И то вряд ли.

Фура давно свернула. Машина катила по дороге меж двух сплошных рядов деревьев без намека на строения. Однако навигатор почему-то утверждал, что едут они с Дреером по улице Ленина. Прибор тоже был непрост. Внутри, кроме микросхем, пряталось еще несколько заряженных кристаллов. Инквизиция всегда полагалась на артефакты и вместе с тем не оставляла попыток интегрироваться в двадцать первый век. В прошлом году началась всеобщая электронная каталогизация архивов, а научный отдел не переставал делать разработки по сращиванию техники и магии. Выходило у них по-разному, так что навигатор вполне мог и привирать.

Впереди наконец-то показалась городская окраина. Над крышами вознеслись несколько церковных куполов и какие-то башни.

Суздаль.

Дорога разветвилась, но машина двигалась по прямой, миновав нечто вроде городских ворот – ими служили два белокаменных столба, увенчанных флюгерами. Почти сразу же по правую руку выросла крепостная стена. Дмитрий подумал было, что это местный кремль, но...

«Спасо-Евфимиев монастырь», – сообщила по-латыни надпись на дисплее навигатора.

В первые секунды после трассы ехать по центральной улице города на сорока в час казалось непереносимым. Но Дмитрий сразу уловил необычайно спокойную ауру места, и ритм перестроился сам собой.

Фон Москвы – бесконечный калейдоскоп Тьмы и Света. Фон Праги – монументальное равновесие изначальных сил. Суздаль же однозначно был городом Светлых. Которых, правда, согласно данным регистрации, тут проживало ровно двое на четырнадцать тысяч населения. Впрочем, и Темных, согласно этим же данным, здесь было зарегистрировано всего трое. Плюс

еще один новичок, причина визита надзирателя Дреера. Соотношение никак не укладывалось в печально знаменитую константу «один к шестнадцати».

Сейчас это стало почти объяснимым. На одной только улице Ленина, проехав всего пару минут, Дмитрий увидел несколько храмов.

Дреер не стал более религиозен, когда узнал об Иных. Лекции о природе Силы и рассказы о Сумраке, пожалуй, еще сильнее оттолкнули его от какого-либо мистицизма. Волшебство теперь было для него чем-то вроде атомной энергетики или программирования: ничего не смыслишь, но плодами пользуешься каждый день, не испытывая ни суеверного ужаса, ни пиетета.

Тем не менее в Суздале даже его проняло.

Остановился недалеко от торговых рядов. Собака на приборной доске закивала с удвоенной силой: мол, правильно, хозяин. Дмитрий вылез из-за руля, размял ноги и спину. Затем снял с плечиков за креслом серый пиджак. Балахон на людях разрешалось не носить, однако штатский костюм полагалось выдерживать в цветах мундира.

Дмитрий вытащил из кармана телефон. Услышав женский голос, коротко сказал в трубку: – Школьный Надзор. Приехал забрать мальчика.

Сразу двинулся к нарядному двухэтажному зданию. Нижний этаж был выложен из кирпича, верхний – деревянный сруб. Кованый флюгер над красной островерхой крышей изображал черного кота, что примостился на рогатом месяце.

Сам дом выглядел в меру старым, но отнюдь не ветхим. Стены украшали цветы в горшках и живописные лозы девичьего винограда. Вывеска гласила: здесь находится турагентство «Велес» и мини-отель. Если же поймать взглядом тень собственных ресниц, читалось иное: «Дневной Дозор города Суздаля».

Мелодично тренькнул звонок. В крошечном холле из-за стойки торопливо встала и натянуто улыбнулась миленькая девушка лет девятнадцати в белоснежной блузке.

Регистрационная печать сквозь блузку сообщила гостю: Темная, инициирована пять лет назад, уровень шестой. В ауре отчетливо проявились эмоциональные оттенки страха и любопытства. Наверняка первый раз видит живого Инквизитора.

А еще Дмитрий уловил в ауре смущение. На лице девушки – тоже. Она явно не ожидала, что Инквизитор окажется спортивным молодым человеком в элегантном костюме. Купленном, между прочим, в Праге, хотя и на распродаже под Рождество. Помнится, выбирала костюм Ива, а Майлгун стоял рядом и критиковал.

– Дмитрий, – представился Дреер. А потом его дернуло распустить перья: – Европейское Бюро Инквизиции.

– Очень приятно, – раздался глубокий, музыкальный женский голос.

Дреер обернулся.

Слева от стойки (язык не поворачивался называть это место «ресепшн») располагалась дверь офиса, и на пороге стояла эффектная молодая женщина с короткой стрижкой. Простой деловой костюм, никаких высоких каблучков, разве что драгоценностей многовато. Зато почти нет косметики – человеческой.

Через Сумрак, однако, проглядывал настоящий возраст.

– София Павловна. – Женщина протянула руку. – Ведьма, третий уровень. Начальник суздальского Дневного Дозора. И единственный сотрудник...

На редкость подходящее имя для ведьмы, не мог не сказать себе Дмитрий. Разумеется, подумал он это так, чтобы дозорная не слышала мыслей, даже если бы захотела. Более высокий уровень позволял ей обойти защиту, но руководитель Дозора как никто другой должна была понимать, что бывает за любое вторжение в сознание Инквизитора.

– А как же?... – Дмитрий слегка кивнул в сторону девушки.

– Асенька мне помогает в делах, – поспешно сказала ведьма София. – Но в Дозоре не состоит. Я и сама справляюсь. У нас тут не слишком хлопотно с Иными, если начистоту. С госорганами проблем больше. А ведь реморализацию к ним не применишь, да и не Темное это дело. Что же я, коррупцию должна разводить? Мое дело Договор соблюдать, а не наоборот. Наших тут мало, кроме меня и Асеньки, еще один благонадежный оборотень, на кладбище работает. Людей никогда не трогает, если перекидывается. Только пьет, стервец, запоями и драться лезет в человеческом виде. Да еще вот теперь Мотя, наказание наше...

– Мальчик уже здесь? – деловито осведомился Дмитрий, пресекая монолог. – Собран?

– Нет, – покачала головой София.

– Тогда посылайте за ним. – Дреер перевел взгляд на Асеньку.

Та еще больше смутилась.

– Не могу, – сказала начальница вместо подчиненной. – Это к моему, так сказать, коллеге Евстафию. В темнице мальчика держит.

– Что? – Дмитрий подобрался.

– Евстафий у нас Ночной Дозор возглавляет. Мотя, конечно, сам виноват. Сколько ему говорили, сколько я сама билась! В общем, Евстафий его в следственный изолятор поместил до вашего приезда. А я ничего поделать не могу, Светлые в своем праве. В Инквизицию жаловаться? Так вы и есть Инквизиция. Вот, жалуюсь. Хотя нет, не буду! Понимаю Евстафия, намучился он с мальчишкой. Все мы намучились. Может, в кутузке ума-разума и прибавится...

– Где офис Ночного? – спросил Дмитрий.

Скорее, по инерции. В навигаторе адрес точно был. Заезжать туда в планы не входило: все документы уже должны лежать на столе ведьмы, готовые к передаче. Как правило, и в интернат воспитанника доставляли местные органы. Только в маленьких городках Дозоры – один-два сотрудника. Подотчетную территорию не бросишь, пусть даже везти чадо не за тридевять земель.

Вот и приходилось время от времени мотаться по городам и весям младшему надзирателю Дрееру.

– Нет у него офиса, – ответила ведьма. – Разве что дома у Евстафия.

– А СИЗО?

– Это я его так называю, вы уж извините. В монастыре. Но ключ у Евстафия, так что все равно вам к нему. Или, может, позвонить?

– Не нужно, – сказал Дреер.

Инквизитор вполне мог себе позволить и вызвать дозорного в контору Темных. Но не стал. Во-первых, его обязанность – хранить равновесие. Дернуть же главного местного Светлого в Дневной Дозор – это уже немножко дать больше привилегий другой стороне. Вызывать на ковер лучше где-то на нейтральной полосе. А во-вторых, несмотря на все свое обаяние и хорошенькую ассистентку, София была чем-то несимпатична Дмитрию.

Он никогда не делил своих школьников на Темных и Светлых. Разницу, конечно, видел, но для него все они были в первую очередь детьми.

А со взрослыми так не получалось.

Несмотря на все, что узнал в Инквизиции. Несмотря на то, что обязан был отныне и во веки веков защищать обе стороны друг от друга. Дмитрий не мог совсем отделаться от изначального Света.

– Да вы не волнуйтесь, там не курорт, но и не сырой подвал. Я его вчера навещала. Пойдемте, документы вам подготовила. – Ведьма сделала приглашающий жест. – Да и выпьете чего-нибудь с дороги, кофе или чаю. А еще медовухи нашей суздальской попробуйте...

– Я же за рулем, – ответил Дмитрий. От чая тем не менее отказываться не стал.

Пока Асенька хлопотала над заваркой и собирала немудреную прикуску, ведьма София переворошила стопку бумаг.

– Справки... Копия служебной записки Евстафия... Опять печать сумеречную криво наложил, что с ним делать... А вот этот факс – направление. Вчера только из Москвы пришло, с подписью Завулونا...

Она аккуратно упаковала все в красивую папку с фирменным логотипом своего турагентства. Дмитрий хотел было попенять, что папка должна быть в лучшем случае с вензелем Дневного Дозора, но просто сунул бумаги в портфель, собираясь потом переложить.

София тем временем лично подлила ему кипяток из блестящего электрического самовара.

– Пробуйте варенье, сама готовлю. У меня же гости разные бывают, и некоторых Высших принимала! Из Европы, даже из Японии! Кстати, вы как ехали?

– Через Иваново. – Дмитрий прихлебывал чай.

– Сто лет на свете живу, а про вашу школу только недавно узнала, – сообщила ведьма.

– Не афишируется. Экспериментальная все-таки, – отозвался Дреер. Хотелось почему-то быстрее откланяться. Но чай был горячий, не допить – вроде как некрасиво, а охладить с помощью магии он не смог бы, даже если бы захотел. Административно-магическое взыскание.

– Педагоги, говорят, хорошие. Надеюсь, в Матвея нашего вложите что надо. Ведь и так, и этак мы с ним воевали: не тяни Силу из людей! Вампиры же терпят, лицензии ждут. Сергуня, оборотень наш, хоть и пьянь, а ни разу лицензию не попросил. Выбила я ему однажды, как Евстафий ни противился, за примерное поведение. Для низшего Темного примерное, не для человека же... Так он лицензию в сарае на гвоздь повесил! На гербовой бумаге, между прочим, лицензия. А потом опять запил. От радости, что ли, какой правильный. А какой он правильный? Корову соседскую задрал, когда перекинулся. И хоть бы заплатил потом соседу, пропойца! Мне за него пришлось расплачиваться, анонимно. Но для Матвея все равно пример – не трезвости, так соблюдения Договора. А он нет-нет, да за старое! Семья, понятно, неполная, неблагополучная. Одни не воровать не могут, а этот пострел – Силу из людей не тащить! Ну, Евстафий его раз предупредил, второй, третий, а потом взял, да под замок и посадил...

– Имя у Евстафия интересное, – проронил Дреер. – Редкое.

Перед выездом он, разумеется, посмотрел информацию по городским Дозорам. Но собираться пришлось второпях, а в справке значилось только: «Смирнов Е. Н., 4-й уровень».

– Он бывший поп, – ответила начальница Дозора, размешивая ложечкой сахар.

– Вот как! – не удержался от возгласа Дмитрий.

В язычестве Иные часто играли роль шаманов, жрецов, а то и богов. Однако то были дремучие, преддоговорные времена. Но что православный, что католический священнослужитель-Иной... Подобные случаи, конечно, были известны, два или три в истории. Один такой священник, отец Аристарх, Дмитрий знал, служил под Москвой. Хотя для Суздаля почему-то это не казалось удивительным.

– У отца Евстафия был небольшой сельский приход. Но он, скажем так, сложил обязанности после инициации. Понятное дело, считает, магия и вера несовместимы. Но я вот, например, тоже в церковь хожу. И Асенька у нас крещеная.

– А Евстафий как на это смотрит?

– Косо. А как еще? Да ведь это я его инициировала...

* * *

Одноэтажный дом Евстафия, как и его хозяин, был немолод, но крепок. А еще располагался буквально в полусотне метров от Суздальского кремля. Впрочем, сам кремль Дмитрий увидел только мельком.

Жестяной адрес-аншлаг на воротах был несколько больше, чем нужно, чтобы вместить номер дома и название улицы. Через Сумрак все прояснялось: тут еще горела желтым надпись: «Ночной Дозор города Суздаля».

Когда Инквизитор постучал в калитку и зашел, единственный Светлый дозорный плотничал во дворе. Рядом что-то пытался мастерить и русоволосый мальчик лет десяти. В нос бил свежий и чистый аромат березовой стружки.

Докучливая ведьма уже поведала, что детей у бывшего отца Евстафия четверо. И наверняка все же позвонила, потому что Светлый посмотрел на Дмитрия так, будто давно его ждал. Тут же отложил рубанок, вытер руки о темно-синий фартук.

Дреер, что греха таить, ожидал увидеть его в рясе, с шевелюрой до плеч и длинной, не слишком прибранной бородой, в которой застряла все та же стружка. Но под фартуком у Евстафия оказались замызганная толстовка с растянутым воротом и старые джинсы с кедами. Бородка аккуратно подстрижена, а волосы хотя и нечесанные (когда тут приводить себя в порядок, если Инквизиция нагрянула внезапно?), но короткие.

– Здравствуйте... – как-то без уверенности начал Дреер. Хотя его знаки отличия Евстафий наверняка прекрасно разглядел в первую же секунду. – Дмитрий. – Он проглотил свою нерусскую фамилию. – Школьный Надзор. Приехал забрать Матвея Косицына.

– А! Заходите! – Евстафий уже снимал с себя фартук и поднимался на крыльцо. – Сейчас только наброшу чего-нибудь.

Проводив его взглядом, Дмитрий осмотрелся. Двор как двор. Под навесом тихо ржавела красная «семерка». Важно расхаживал петух в окружении свиты. На крыльце жмурилась всем довольная кошка.

Сын Евстафия с любопытством изучал Дреера. Наверное, решил, дяденька из милиции. Едва дозорный скрылся, Дмитрий тихонько проверил ауру малыша – гладкая-прегладкая, никаких признаков Иного – и преодолел соблазн показать какой-нибудь простенький фокус. Да и получилось бы у него сейчас?

Зато в кармане нашлась пара шоколадных конфет, всученных радушной хозяйкой «Велеса». Обыкновенные сладости, но через Сумрак Дмитрий их тоже все-таки проверил. Так, на всякий случай.

Мальчишка поймал конфету и выдал щербатую улыбку. Двух молочных зубов у него не хватало на самом интересном месте.

На крыльце снова показался Евстафий. Сказав: «Наброшу чего-нибудь», он... несколько приуменьшил. Сейчас бывший приходской батюшка выглядел неподкупным провинциальным чиновником или преподавателем сопромата в местном техникуме. Он переоделся в старомодный, но вполне справный брючный костюм и внимательно смотрел на гостя сквозь очки в тонкой оправе. Разве что обошелся без галстука, зато ботинки как будто специально начистил к приезду Инквизиции. В руках Евстафий держал туго набитый черный рюкзак, расписанный изображениями голливудских монстров.

– Я скоро, – бросил он через плечо и спустился с крыльца.

Молча вышли за калитку.

– А где у вас... следственный изолятор? – осторожно спросил Дмитрий, открывая дверь машины.

Автомобили у кремля ставить запрещалось, но Дреер узнал об этом, лишь когда подъехал вплотную, поэтому недолго думая натянул на машину «сферу невнимания». Даже на сигнализацию не поставил.

– Сонька уже напела? – усмехнулся Евстафий. – Любит она искажать. Ведьма, одно слово. Никакой это не следственный изолятор. Самая настоящая тюрьма.

Дмитрий замер. А Евстафий продолжал как ни в чем не бывало:

– Да вы не бойтесь, там не сахар, но жить можно. Тепло, воздух свежий, пищу я ему три раза в день ношу, матуш... супруга моя стряпает. И аура для Темного вполне комфортная. Книг я ему дал целую стопку, чтобы не скучал, пока вы не прибудете. А Сонька даже телевизор poslала. Уступил, грешным делом, поставил...

Дмитрию стало неловко. Случай с инициацией Евстафия вышел, конечно, уникальным. Такие прецеденты внимательно изучались юристами Бюро. Наверное, и этот в свое время был тщательно изучен и запротоколирован. Ведьма София Павловна, несмотря на всю словоохотливость, рассказала Дмитрию самую малость и ни разу не упомянула о визитах каких бы то ни было Серых функционеров.

Пузатый рюкзак, разрисованный фигурами чудищ, Евстафий держал на коленях и отказался бросить на заднее сиденье.

– Куда? – Дмитрий повернул ключ зажигания.

– Вы, наверно, видели, если от Иванова ехали. Спасо-Евфимиев монастырь.

Дреер тут же вспомнил массивные стены и башни цвета красной охры. И то, что принял именно это сооружение за кремль.

– Он действующий?

– Нет. – Евстафий смотрел прямо перед собой. – Давно уже нет. Там была монастырская тюрьма, при Екатерине устроили. Для безумствующих колодников, как тогда говорили. Вероотступники, колдуны, еретики. Сейчас это музей.

– А мальчик?..

Дмитрий медленно выруливал по узенькой Кремлевской улице мимо сквера и антикварной лавки, мимо пожарной каланчи и краснокирпичной церквушки (тут что, на каждой улице храм?).

– Понимаете, большинство узников все-таки были душевнобольные. А если и колдуны, то мнимые. Но там есть еще один сумеречный уровень. Тюрьма Ночного Дозора. Это сейчас наказания стали мягче, даже у Иных. А тогда вполне в ходу было засадить на сто лет в каменный мешок, и никакой подпитки Силой. Один-два века сумеречного голода. Собственно, потому я Матвея туда и поместил. Сначала на экскурсию сводил, да не подействовало. Пришлось идти на крайние меры...

Впереди показались уже знакомая Дмитрию улица Ленина и торговые ряды. Отсюда рукой подать до офиса Дневного Дозора. Но к тюрьме Ночного было в противоположную сторону.

– Я тоже отбываю наказание, – вдруг сказал Дреер. Он не вполне понимал, зачем эта откровенность.

Бывший отец Евстафий наконец-то повернул к нему лицо.

– За что?

Дмитрий постарался ощутить знак «Карающего Огня» прямо над сердцем. Почувствовать ничего не удалось, но знак был на своем месте. Повышение его температуры четко обозначало, какую информацию выдавать дозволялось, а какую нет.

– Пришлось идти на крайние меры, – эхом повторил Инквизитор слова дозорного. – Ударил по своим. Группу ребят брали, которые Договор нарушили. Мир хотели исправить, максималисты. А я был переговорщиком. Но все обошлось. Ребятам на Трибунале дали «условно», всего десять лет без магии, потом повторное слушание. Мне же велели за ними надзор вести. Зато магию теперь могу применять только в служебных целях.

– Это хорошо, – сказал Евстафий.

А что он еще мог сказать, подумал Дмитрий. Волшба – грех. Мерзость перед Богом, слышал уже Дреер такое. Он, впрочем, и до того старался зря Силой не пользоваться, без всяких религиозных мыслей. Но теперь... Не мог предсказать падение сосульки на голову, если был не на задании. Не мог справиться с гриппом – пей антибиотики. Не мог даже иммунитет себе

поднять – закаляйся, брат, как сталь. Хотя это как раз шло на пользу организму. В Инквизиции младшее звено вообще заставляли работать над телом до седьмого пота, отучая полагаться на одну лишь магию. Даже стрелять учили из автоматической винтовки, а не только рапирой махать.

А еще Дреер не мог ни замедлить приход старости, ни продлить срок жизни. Только через двадцать лет, когда снимут взыскание. Тогда ему будет под пятьдесят.

В ауре Евстафия тоже не прочитывалось ни намека на возрастную консервацию. И это было понятным. Он явно не собирался пользоваться биологическим правом Иного прожить мафусаилов век.

Машина притормозила у светофора, опять рядом с каким-то храмом. Дмитрий, увидев красный, инстинктивно начал уводить «хонду» в Сумрак и мягко прибавлять газ. Но Евстафий поймал его за руку.

– Не надо. Обождем.

– Почему? Это же как раз по службе. Видите, могу...

– Вижу. Не надо, – повторил дозорный. – В Сумрак без нужды лучше не входить.

– Сил у меня хватит на нас обоих.

– Все равно не нужно.

Красный зрачок светофора, казалось, подтверждал слова Евстафия.

– Вы что, – вдруг догадался неверующий Дреер, – думаете, Сумрак – это вход в преисподнюю? Но там же холодно, а не горячо!

– Мы не можем знать, что еще ниже, – серьезно ответил дозорный.

– По-вашему, первый слой – нечто вроде Лимба у Данте? – уточнил Дмитрий.

Красный зрачок трехглазого аппарата погас, и вспыхнул желтый.

– У православных нет Лимба, – сообщил Евстафий. – А если бы и был, то не для Иных.

– Мальчика вы все же упекли на первый слой. – Дмитрий тронул машину.

До монастыря оставалось совсем недалеко.

– Если бы устраивать экскурсии в ад, грешников стало бы куда как меньше. Но это я организовать не могу... дальше первого слоя.

Дмитрий вспомнил недавнюю историю, как английского принца за появление на маскараде в нацистской форме отправили на экскурсию в Освенцим. Туда бы еще скинхедов. И в бараке поселить на пару дней, педагогический эффект вышел бы сильнее.

Машина остановилась у обочины, напротив стен монастыря.

– Почему вы стали дозорным? – спросил Дмитрий. – Я знаю Иных, которые веруют. Материалы читал, как отказываются от инициации, не желая пятнать себя магией...

– А магия – это что, по-вашему?

– Честно? Научный феномен. Просто еще не исследованный. Где-то на стыке биофизики и психологии. Иные сами часто в плену суеверий. Только никакой мистики нет! То, что когда-то было сверхъестественным, постепенно становится естественным. Прогноз погоды, мобильная связь, авиация. Ведь и болезни считались кознями злых духов, а теперь есть вакцины, таблетки, переливание крови... Вы же сами говорили: большинство заключенных тут, – он махнул рукой в направлении монастырской стены, – были просто душевнобольными.

– Тем не менее настоящие колдуны сидели уровнем ниже, – все так же спокойно заметил Евстафий. – И оборотней здесь держали, и вампиры ждали Трибунала. Тоже настоящие, не как эти...

Дозорный ткнул в картинку на рюкзаке у себя на коленях.

– Если вы считаете, вся магия от лукавого, – Дмитрий ощутил, что его прорывает, – то как терпите рядом ведьму и оборотня? Я понимаю, это она вас нашла и сделала Иным, но...

– Ничего вы не понимаете, молодой человек. – Евстафий отвернулся, глядя вдаль, на белые столбы городских ворот. – В Суздале долго не было Ночного Дозора. Нас курировал

владимирский. Куратор меня и нашел. Рассказал об Иных, о Договоре, предложил инициацию. Я, конечно, сразу отказался. Тогда он рассказал о Соньке и об этом пьющем волкулаке, Сергуне. Сказал, кому-то надо за ними следить, а он не может все время разрываться на несколько городов. Я все равно отказался. Не мог. А потом... На трассе у самого города две машины столкнулись. В одной женщина была беременная, на шестом месяце. Сонька увидала. Этой ведьмы, молодой девчонки, у нее в помощниках еще не было. Тогда она послала за мной. Наврала, что к умирающей. Сонька лечить не умеет, она только привороты делать горазда, да и воздействие тут нужно Светлое... Вызвала меня, короче, а потом схватила и затащила в Сумрак. Не знаю, я, наверно, тоже бы не стерпел. Я же до семинарии в медицинском учился... Да и у самого матушка четвертого уже вынашивала. В общем, помолился и... как-то все получилось. Живы все остались и поправились, никаких последствий. Приезжали даже потом в наш храм, свечки ставили, пожертвование внесли. А мне пришлось... менять профессию. Даже если лишить меня способностей или запечатать их, как в вашем случае, – это ничего уже не даст. Обратной дороги нет.

– Есть, – вдруг сказал Дреер. И снова прислушался к ощущениям в груди.

Знак «Карающего Огня» молчал. Или просто молчаливо соглашался?

Евстафий между тем глянул на Дмитрия поверх очков и прищурился.

– Как Инквизитор я знаю такое место, – продолжил Дреер. – Там я и заработал свое возмездие. Если вы туда войдете, то инициация будет иметь обратную силу. Хотя вы все будете помнить. Просто так вас туда не пустят, но могу похотатайствовать. В виде исключения.

– Нет, – покачал головой Евстафий. – Если вы украдете, а потом вернете награбленное – разве кража перестанет быть кражей? А если растлите, а потом женитесь, то разве это сотрет факт растления? Искупление... оно совсем в другом.

– Что вам искупать? Вы же спасли две жизни. Как минимум.

– Две земные. А одну вечную, видимо, погубил. Как минимум.

Дмитрий не знал, что еще тут сказать. Но Евстафий избавил его от необходимости подыскивать слова:

– Пойдемте. Матвей уже засиделся, пожалуй.

– Нужно будет еще к нему домой заехать. – Дмитрий открыл дверь и поставил ногу на землю. – Пусть хотя бы с родными простится. И собрать его, опять же...

– Не нужно, – ответил дозорный и тряхнул рюкзаком. – Вот его вещи, уже собраны. Супруга еще пирогов напекла и туда засунула, дорога-то ведь не очень близкая. А родные... Взял и этот грех на душу, обработал им сознание. Думают, что Матвей еще три дня назад уехал. Несчастные люди. Будь семья чуточку благополучнее, я уж не говорю про воцерковление, мальчик развернулся бы к Свету.

Дреер не стал вставлять реплику, что Евстафий, очевидно, не слишком усердствовал в поиске новых потенциальных Иных, и Темная коллега, как всегда, успела первой. Матвей Косицын, судя по характеристике, был не просто начинающим Темным, а именно ведьмаком. Похоже, имела место попытка создать несанкционированный ковен, и об этом надлежало про-сигнализировать в Бюро. Ночной дозорный, измученный нравственными дилеммами, похоже, долж-ной бдительности не проявил. Или не хотел?

Однако кое от чего Дмитрий не удержался:

– А право на реморализацию семьи мальчика вы не пробовали выбить? Хотя бы в ответ на лицензию оборотню?

Евстафий поколебался, но все же пристроил рюкзак на заднее сиденье. Бережно закрыл дверь. И только тогда сказал:

– Симметричный ответ на сохранение двух жизней, включая одну детскую, до сих пор в резерве Дневного Дозора. Сонька тут совместила помощь ближнему и свою выгоду, когда меня инициировала.

Дмитрий еле заметно кивнул. Он прекрасно знал комбинации Темных. Равно как и ходы Светлых.

– К ее чести, с реализацией не торопится. Но согласно приложению к Договору, право на воздействие высокого уровня можно разменять на определенное количество низкоуровневых...

– Параграф три-эф, пункт восьмой, – подтвердил Дреер.

Нудное Иное право, казусы, прецеденты и прочее давались ему, словеснику, с огромным трудом. К счастью, никто не полагался на ненадежную человеческую память, и полный текст всех приложений, буква в букву, Инквизитор мог произнести без запинки даже в состоянии глубокой алкогольной интоксикации. На базовом латинском и всех основных европейских языках.

– ...Поэтому мелких пакостей и интрижек Соньке хватит где-то еще на полвека, а у нас таких резервов нет. Если только Инквизиция не разрешит.

– Я могу направить ходатайство. В целях равновесия и во имя Договора, – неуверенно сказал Дмитрий.

– Буду признателен.

Они пересекли дорогу и вошли в монастырь. Евстафий прошел, кивнув билетерше. Дмитрий, разумеется, не увидел никакой магии: дозорного тут попросту знали. На самого Инквизитора никто даже не покосился. Наверное, и Матвея Светлый привел вот так запросто, и никому не пришлось в голову спросить, куда потом делся мальчик.

Дреер вертел головой, а Евстафий во время их короткого пути рассказывал о том или ином строении, как заправский экскурсовод.

Посетителей в будний день оказалось мало. Несколько парочек и группа японских туристов, увешанных видеотехникой, словно космические рейнджеры – оружием.

Тюрьма располагалась в самой глубине, за отдельной стеной. В узком белом дворе не оказалось вообще никого.

– Кто здесь только не сидел на самом-то деле, – рассказывал дозорный. – Сначала еретики, потом большевики, потом военнопленные, немцы и итальянцы. Даже фельдмаршал Паулюс! А уже после войны несовершеннолетние, сначала мальчики, потом девочки. Закрыли только в шестьдесят седьмом. А Иных тут не содержалось с Февральской революции. Зато их тюрьма в образцовом состоянии! На всякий случай...

Остановились перед деревянной дверью, обшитой несколькими коваными пластинами и запертой на амбарный замок. Дмитрий увидел чары невнимания, наложенные явно в старину, но тщательно обновляемые и с некоторыми новейшими дополнениями. Даже замок тут был на поверку довольно сложным артефактом.

Евстафий достал ключ из внутреннего кармана пиджака и вставил в скважину, что-то нашептывая.

– Прошу. – Дозорный приглашающе махнул рукой и первым скрылся в темном проеме.

На нижний уровень вел узкий ход, словно его не складывали из кирпича и не штукатурили, а прямо вырубили в толще природного камня.

– Войдите в Сумрак. – Для удобства Евстафий подсветил карманным фонариком.

Сумеречный уровень вопреки названию не располагается на первом слое, иначе узник не смог бы протянуть здесь длительное время. Однако вход через Сумрак надежно закрывает такой этаж от посторонних глаз, а магия позволяет собрать целое помещение, незаметно отрезая по лоскутку от других. Иные-заключенные сидели как бы во всех камерах сразу, не воспринимаемые узниками-людьми.

Дреер с Евстафием попали в обычный тюремный коридор – похожий на те, что Дмитрий однажды видел в Петропавловской крепости. Несколько железных дверей со смотровым окошком и еще отдельным, пониже, чтобы передавать скудное арестантское пропитание. Антиквар-

ные стул и стол для надзирателя. Печные дверки, куда подбрасывали дрова, чтобы отапливать мерзнувших Иных в суровые зимы.

Дмитрий сперва не понял, почему вдруг ему стало не по себе, думал, от холода и сырости, но нет, микроклимат оказался вполне сносным. Зато тут совсем не было ауры. Ну почти. Сила просачивалась с верхнего, наземного этажа, будто крошечный сквозняк через плохо заделанное окно. Остаточные эмоции узников монастырской тюрьмы еще ощущались в этом месте, пропитали стены и доски пола. Если взглянуть через Сумрак, можно было увидеть даже небольшую щетину синего мха по углам. В остальном же стены, казалось, обшили некоей магической изоляцией.

Темным хватало бы здесь Силы только на поддержание слабого тонуса. Все равно что заядлому курильщику выдавать по сигарете в день. Или обыкновенному человеку по стакану воды.

Евстафий подошел к средней двери, постучал:

– Матвей! Приехали за тобой наконец-то!

Позвенел ключами, лязгнул засовом.

– Не мо...

Дмитрий мгновенно оказался у него за спиной.

Камера, похожая на монастырскую келью, только просторнее. Старая железная кровать. Одеяло сбито, как будто из него пытались сотворить укрытие, прячась от ночных кошмаров.

На грубом деревянном столе – графин с водой, электрический чайник, стальная кружка, коробка с белыми хвостатыми пакетиками и даже пряники. Нет, Евстафий не держал арестованного на голодном пайке. Рукомойник в углу, а рядом – компактный дачный биотуалет. В другом углу – небольшой серебристый телевизор.

Из-под кровати выглядывали расшнурованные кроссовки. Вот только их владельца нигде не было видно. Камера была пуста.

Евстафий ворвался внутрь, оглядываясь – не спрятался ли арестованный. Помедлив секунду, Дреер впрыгнул за ним, одновременно погружаясь в Сумрак.

Никого.

Стены здесь более шершавые, сложены из разнокалиберных серых камней, а не из кирпича. Вместо кровати – деревянные нары. Другой мебели нет и в помине, удобств, понятное дело, тоже. А окон не было и в привычной реальности, одно лишь забранное решеткой вентиляционное отверстие.

В Сумраке отверстие буквально искрилось от заклинаний. Уйти через него парень точно не мог, даже если бы вдруг научился оборачиваться в ужа.

На первом слое появился и дозорный.

– Это невозможно, – сказал Евстафий.

– У кого еще был ключ? – с ходу задал вопрос Дреер.

– Ни у кого. Только я могу снять все запоры. Это передал мне куратор. Кое-что я сам не знаю как делается. Он просто наложил мне печать, Темный не может ее скопировать...

– А Светлый?

– Кроме меня, тут всего один Светлый. Вернее, одна. Сейчас она учится во Владимире, на втором курсе физмата. Была бы в городе, я бы знал. Видите символы?

Дмитрий рассмотрел, что стены и потолок испещрены невидимыми человеческим глазом письменами. На двери и кое-где еще были нарисованы «следящие руны» – фактически датчики движения, изобретенные еще до заключения Великого Договора.

– Если бы сюда проник кто-то еще, они бы считали ауру и сохранили ее. Но они ничего не сохранили.

– Он мог пролезть в соседнюю камеру? – Дреер почувствовал себя крайне глупо. Но не следовало упускать из виду ничего, даже самого абсурдного.

– Как? Они изолированы. Каждая – это, по сути, вывернутая наизнанку «сфера отрицания», ее нельзя пробить изнутри.

– На всех слоях?

– На двух точно. Ниже я не умею входить.

– Я тоже. – Дмитрий вспомнил, что у них с Евстафием одинаковый уровень.

Он потерял несколько раз свой инквизиторский перстень. Из перстня вышел широкий пучок голубоватого свечения, и Дреер медленно просканировал им весь каменный мешок.

Никаких скрытых порталов и ходов.

– Как давно вы навещали мальчика? – Дмитрий опустил руку в карман и коснулся совсем небольшого жезла, длиной с огрызок карандаша.

Модифицированная «Последняя Исповедь», осталось три заряда. С разрядкой каждого жезл становился все короче и короче, вытягивая правду, словно нос Пиноккио, действующий наоборот.

Сейчас Дмитрий нарушал полномочия нагло и беспардонно. Светлый мог потом жаловаться в Бюро. Однако сопротивляться Евстафий точно не сумел бы, и это было главным. Заряжал артефакт маг куда более высокого ранга, чем Дреер.

– Утром, – спокойно проговорил дозорный. – Приносил завтрак. Сказал, что вы приедете сегодня. Подозрительного ничего не заметил. Вернее, мальчик был взволнован, но я думал, это подействовало место и скорая поездка.

– Вы замешаны в этом? – Дреер растратил еще одну «Исповедь».

– Нет, – покачал головой Евстафий.

– Можете направить официальную жалобу. – Дмитрий вытащил руку из кармана, отпустив жезл. – Она будет рассмотрена в трехдневный срок.

– Я не буду, Инквизитор, – серьезно ответил Евстафий.

«Напрасно, – подумал Дмитрий. – Руководитель нашего городского Дозора такого бы не спустил».

А вслух распорядился:

– Тогда проверьте остаточное действие заклинаний. Во всех камерах. Любая зацепка. Я скоро вернусь.

Глава 2

Дреер экипировался.

Из глубоких недр багажника он вытянул потрепанный «дипломат». Тот снаряжал лично шеф Одноглазое Лихо. Но за все время своих командировок младший надзиратель школы еще ни разу не забирался в тайничок.

Вместо часов словесник защелкнул на каждом запястье по медному браслету с гравировкой в виде рунной вязи. Рассовал по карманам несколько амулетов, один надел на шею. Мельком подумал, что при всем его отношении к религии как-то не слишком удобно возвращаться в бывший монастырь обвешанным колдовскими гаджетами, словно шаман туземного племени. Однако ничего не поделаешь.

Затем Дреер надел под пиджак кобуру. Проверил обойму. Обычные пули не попадают в Сумрак, а стрельба даже на первом слое затруднена. Но в этих пулях не было ни миллиграмма свинца, как, впрочем, и серебра. Пороховая смесь тоже была специально обработана магией.

Даже из снайперской винтовки пуля не летит по идеальной прямой, ее траекторию сбивают ветер и гравитация. Инквизиторские же после всех заговоров и наговоров выделявали поистине акробатические кульбиты. Дреер помнил самое первое занятие в подвальном тире, когда нужно было попасть выстрелом в простую бумажную мишень, обогнув и не задев подвешенную перед ней коровью тушу.

Билетерша и охрана при входе в монастырь равнодушно посмотрели сквозь Дмитрия, как не обратили внимания на его сборы ни прохожие на улице, ни водители редких авто.

Евстафий ждал в камере. Он водил руками над кроссовками Матвея, явно стараясь извлечь максимум информации. Однако дара провидца у него не было ни как у Иного, ни как у подвижника веры.

– Почти ничего. – Дозорный протер запотевшие очки и провел по лбу носовым платком. – Он испытывал страх. Это последнее, что здесь осталось.

– А был ли мальчик? – пробормотал Дреер, копаясь в прихваченной сумке. – Может, и мальчика-то никакого не было?

Дмитрий извлек украшенный кристаллами и символами приборчик с крутящейся стрелкой, отдаленно похожий на компас. Инквизиторы преуспели в обходе ограничений собственного уровня, и приборчик заменял чувствительность мага как минимум второго ранга.

Однако и это приспособление, когда Дреер обошел с ним каждый угол, ничего не показало. Кроме одного...

– Он ушел не сам, – сказал Дмитрий. – Вы были правы, изнутри камеру пробить нельзя. Пробили снаружи.

– Я проверил все. Никто не мог, ни на первом, ни на втором слое.

– Они пришли снизу. С третьего как минимум. А это что?

Дмитрий уставился на кочан капусты под табуретом. В кочане торчали вилки проводов от телевизора и электрочайника. Обнаружив пропажу узника, Дреер настолько погрузился в исследование Сумрака и силовых векторов, что даже не обратил внимания на некоторые... мелочи интерьера. Непростительно для сыщика.

– Это? – Евстафий отложил кроссовку. – Сонька передала с телевизором. Ведьмовские штуки. Они могут переводить одну природную силу в другую. Скажем, биологическую энергию в постоянный или переменный ток. Да Матвей и сам умел, из стручков перца батарейки вырезал для плеера.

Дмитрий мысленно поставил себе еще один минус. Он сам проходил когда-то подобные трюки в инквизиторском курсе выживания. Однако трансформация энергий у него не получалась, все-таки словесник не был ни Темным, ни тем более ведьмаком.

– А ну-ка... – Дмитрий воткнул в кочан старую серебряную булавку с изумрудным камнем. Тот, словно индикатор, мгновенно изменил цвет и замерцал.

– У нас есть подозреваемый, – сообщил Дмитрий. – Вернее, подозреваемая.

– Сонька могла бы выйти на третий уровень. Но даже она сюда не проникнет. Видите иглу? – Дозорный указал в направлении массивного верхнего косяка над входной дверью. – Ни ведьма, ни ведьмак не прошли бы сюда и не вы шли бы, пока она воткнута. А вытащить ее сумел бы только я.

Толково раньше колдовские тюрьмы строили, подумал Дреер. Использовали все, от высшей магии до простейших народных способов.

– Это не София. – Дреер убрал булавку и, не теряя времени, вытащил из сумки новый предмет. – Она лишь наводчица. В кочерыжке есть заклинание-маячок. Совсем слабенькое и работает один раз в сутки. Но булавку не проведешь.

– Ей-то зачем? – Дозорный возбужденно заходил из стороны в сторону. – Она поддержала идею отправить Матвея в школу. Сама все документы оформила. Да она могла бы просто спроводить его куда-нибудь, а мне сказать, что убежал. Объявили бы розыск, но пока бы нашли...

– Мотив – как с вашей инициацией, – ответил Дреер. – Выгода. Какая именно, мы проверим. Как единственный Инквизитор в городе объявляю себя руководителем операции. Согласно параграфу дельта-три приложения к Великому Договору, вы переходите в мое подчинение. Приказываю арестовать главу Дневного Дозора города Суздаля. Вот печать. – Дмитрий сложил пальцы и переслал Евстафию пульсирующий красным символ. – Передайте ведьме от имени Инквизиции. И допросите.

Евстафий кивнул. Дмитрий почувствовал себя странно: он первый раз в жизни командовал человеком раза в полтора старше, да еще и начальником Дозора, да еще и священником, хотя и бывшим.

– Она может сопротивляться. – Дмитрий вытащил из сумки коротенький жезл красного дерева и вручил Светлому. – Вначале примените это. Неофициально называется «Молот ведьм». Действует только на их сестру, оглушает и правда как молот.

– У меня свои методы... – Евстафий показал ему небольшую коробочку. Внутри тускло блестели иглы. – Тут специальное заклятие. Достаточно вытряхнуть – и воткнутся во все косяки и оконные рамы. Никуда она не уйдет.

– Скорее всего вы ее уже не застанете, – продолжил Дреер. – Наверняка понимает, на кого в первую очередь подумают. Изучите там все, что можете. Нужны улики для Трибунала. Печать наложите на дверь. А я постараюсь найти мальчика.

Он поставил на пол игрушечную собаку, которую снял с панели приборов служебного автомобиля. Пес качал головой, будто все еще продолжал ехать.

– Знакомьтесь, это Джим, – сказал Дреер.

Отстегнул от игрушки медную цепочку-ошейник и выпрямился.

Собака начала расти и трансформироваться. Через несколько секунд она выглядела как живой ирландский сеттер, даже приветственно гавкнула.

– Сумеречный пес... – Евстафий протянул руку, чтобы погладить лобастую вислоухую голову.

– Лучше дайте ему слепок ауры Матвея, – велел Дмитрий. – Это не животное, а зооморфный поисковый фантом. Если хотите, голем.

Пес лизнул руку дозорного, поглощая слепок. А затем повел себя как простая охотничья собака: забегал кругами, обнюхивая углы, и вдруг сделал стойку, обернув нос к центру камеры.

Через секунду он с лаем подлетел в воздух и камнем упал вниз, проходя сквозь пол. А тот словно расплавился, превратился в жидкость, закрутился воронкой, затянув четвероногого следопыта.

– Вот она, кроличья нора, – произнес Дреер. – Ждите меня у ведьмы. Я попробую вернуться с мальчиком.

Зияющее жерло воронки уменьшалось. Дмитрий чувствовал пса, пробившего дорогу сначала на второй, а после и на третий слой Сумрака.

Не говоря больше ни слова, он прыгнул туда же сквозь тень, поднятую с пола. Не как в омут головой, а «солдатином», ногами вперед.

* * *

На втором слое Дмитрий не задержался. Только отметил, что камни тут еще крупнее и грубее, а между ними прорастают какие-то корни и даже белесые грибы. Собственной флоры здесь быть не могло, видимо, во все это безобразие странным образом трансформировалось что-то земное. В сумеречной биологии словесник Дреер никогда не был силен.

Зато на третьем слое его встретил каменный лабиринт без крыши. Высоко над головой плыли тяжелые облака, похожие на гигантские корабли пришельцев-завоевателей из кинофильмов. Неизвестно, существовало ли тут солнце, но если и так, через потускневший небесный щит не прорывалось ни луча. Однако, чтобы двигаться по лабиринту, света вполне доставало.

Дмитрия будто тащило за запястье натяжение невидимого поводка. Иногда казалось, он даже слышит отдаленный лай, хотя это, конечно, было иллюзией.

Сумеречный пес бежал по следу. Не отставать было тяжело, уровня ощутимо не хватало. Это все равно что нырнуть в морскую пучину без дайверской подготовки, когда раньше плавал только с маской и трубкой.

Однако двигаться в глубине пришлось недолго. Миновав очередной изгиб лабиринта, Дмитрий все же увидел пса – и вовремя: тот исчезал сквозь стену, уходя выше по слоям. Подниматься за ним оказалось куда проще, чем спускаться. Человек и призрачная собака оказались в узком коридоре, где чадили факелы, которые немедленно превратились в масляные лампы, стоило только выйти на первый слой.

Залаяв по-настоящему, пес толкнул передними лапами массивную дверь и выскочил наружу. Он пробежал вдоль стены, нашел пролом и скрылся из виду.

Натужно дыша, Дмитрий тоже выбрался через пролом. Перед ним почти что обрывом уходил вниз крутой берег. Пес уже белым пятном мелькал внизу на склоне, сбегая к реке цвета старого потемневшего серебра.

Фантомный поводок дергал Инквизитора за запястье. Руны на браслетах засветились, будто электронное табло, и Дреера окутало легкое зеленоватое свечение.

Он сумел догнать сеттера в нескольких прыжках. За ускорение потом придется расплачиваться. Впрочем, за все приходится расплачиваться, даже за самый простой вход в Сумрак. Евстафий, наверное, добавил бы, что плата эта невероятно высока для смертного.

Однако с активированным браслетом-ускорителем Дмитрий мог следовать за псом как приклеенный. А счет тут мог идти и вовсе на секунды.

Они помчались вдоль кромки воды. Дома выглядели вросшими в землю ветхими избами, а монастыри на противоположном берегу – мощными суровыми крепостями. Скорее всего такими их делало человеческое воображение и надежды, которые и формируют Сумрак. Задним числом Дмитрий понял, что Матвея извлекли из камеры с помощью чего-то похожего на магический подкоп.

Участок берега впереди зарос мощными стволами. Очередной монастырь наверху, казалось, стоит на ветвях мифического древа. Пес просочился сквозь это препятствие, и Дреер следом за ним, прыгая с корня на корень, пока вместе они не вырвались опять на широкий луг. Из бурой травы и сухостоя то там, то здесь торчали валуны. Привалившись к одному из

таких, обычно коротали ночь богатыри из сказок. Да и спрятать под таким волшебные доспехи тоже было бы в самый раз.

С самого верха обрыва, аккуратно выбирая тропу, спускалась человеческая фигурка.

Сумеречный пес не обратил на это внимания. Он как будто потерял след, принялся беспорядочно сновать от валуна к валуну и поскуливать.

Зато Дмитрию не составило труда узнать фигуру, хотя детально разглядеть ее с такого расстояния он не сумел. Сработала даже не магия, а простая человеческая интуиция.

Ведьма София Павловна. Похоже, Джим привел хозяина именно туда, куда надо.

Начальница Дневного Дозора, судя по всему, тоже увидела Дмитрия. Вряд ли она знала о собственной отставке. Вернее, не хотелось думать, что она вырвалась из рук Евстафия, потому что тогда стоило бы беспокоиться за жизнь ночного дозорного.

Ведьма замерла, а потом начала спускаться быстрее. Она даже спрыгнула вниз, не дожидаясь конца спуска, явно применив левитацию.

Дреер расстегнул кобуру под мышкой, но вытаскивать оружие не спешил. Стрелять на поражение он не собирался. София нужна живой, даже если совсем потеряет рассудок и отважится на дуэль с Инквизитором.

Дмитрий сомневался, что вообще может кого-то убить. Даже не человека, а Темного. Даже виновного.

А ведьма, как выяснилось, торопилась вовсе не к нему. Она сделала всего несколько шагов по лугу и опять замерла.

Один из валунов вдруг трансформировался. То есть это Дмитрию так почудилось. На самом деле валун повел себя как человек, до того сидевший на земле, а теперь вставший на ноги. Каменный человек с руками и ногами, но выше Софии на три головы.

Дмитрий все же рванул пистолет из кобуры, одновременно всматриваясь в ауру нового участника действия. Ни с чем подобным надзиратель еще не сталкивался: аура не была ни завершенной, как у людей, и ни рваной, как у Иных. Она была похожа на ауру магических предметов. Неодушевленных вещей, накаченных Силой. Такого немудрено было принять за огромный булыжник, что Дмитрий поначалу и сделал.

Ведьма развернулась к гиганту. Эти двое явно беззвучно общались. Никто даже не жестиколоировал. Затем гигант вдруг простер руку к ведьме. София отшатнулась, но было поздно. Она вздрогнула, словно поскользнулась, и некрасиво, мешком упала.

Аура Софии погасла. Через мгновение начало истаявать и ее тело, будто его вытирали с блеклой картины штрих за штрихом. Скоро от трупа ничего не осталось. Каменный гигант непонятным образом сумел развоплотить опытную ведьму. Джим заскулил протяжно и жалобно.

– Тихо! – вполголоса приказал ему Дреер. – Иди сюда.

Пес подбежал к его ногам и сделал попытку спрятаться за Дмитрия. Тот, кто сотворил фантома-ищейку похожим на живую собаку, не вкладывал в нее ни сторожевых, ни бойцовых навыков.

Не отрывая глаз от статуи, Дмитрий потрепал Джима по морде. Пес лизнул его в ладонь – Инквизитор передал ему слепок ауры Евстафия. Привычку автоматически снимать эти отпечатки со всех Иных подряд в него вдолбили на пражских курсах. Потом Дмитрий стянул рунный браслет с правого запястья и сунул псу в зубы.

– Ищи. – Он наклонился и глянул в собачьи глаза. – Отдай. Понял?

Джим ответил на его взгляд даже как-то обиженно: мол, чего тут неясного, хозяин. А еще в глазах промелькнула радость от того, что можно на законных основаниях сбежать подальше от страшного чужака. Тявкнув, собака умчалась, огибая каменного гиганта по длинной-длинной кривой.

А убийца ведьмы уже шел к Дмитрию. Нет, нельзя сказать, что Дреер совсем не испугался. Тем более что под шагами гранитных ног едва ли не вздрагивала почва. Однако деловые реакции задавили испуг числом и оттерли назад. И трус вынужден идти в атаку, когда все кругом бегут и кричат «Ура!».

Дмитрий неторопливо проверил затвор, встал удобно и прочно, тщательно прицелился, зажмурил левый глаз – так и не смог отучиться от вредной привычки, особенно когда волновался.

Гигант приблизился уже настолько, чтобы можно было рассмотреть его в подробностях. Живая скульптура определенно принадлежала воину в старинном платье и доспехах. Но камень выглядел удивительно, непостижимо пластичным. Колыхались складки одежды, смещались пластины брони, колотили по бедру ножны, напрягались жилы на обнаженных по локоть руках. Даже чуть шевелились волнистые пряди, что выбивались из-под шлема.

Можно было уже различить точно и натурально переданные черты лица: надбровные дуги, крючковатый нос, полные губы, усы. Однако лицо в отличие от всего остального было неподвижным. Только слегка поворачивалась голова. В серых немигающих глазах даже были заметны зрачки.

Следовало гаркнуть, угрожая оружием: «Инквизиция! Выйти из Сумрака!» Но Дмитрий выстрелил, держа пистолет обеими руками и нашептывая. Каждая пуля, в зависимости от произнесенного по-латыни ключевого слова, наносила свой ущерб. Могла прожигать, замораживать, сбивать с ног без иного вреда, проходить навывлет или «гулять» в теле, поражая отдельные, загаданные органы, выходить в мозг, если попадала в живот. А еще не убивать до смерти, контролируя состояние жертвы, или считывать предсмертные мысли для будущего дознания. Нужды Инквизиции разнообразны.

Но сейчас Дреер шептал: «Разрушаю».

Над лугами, над рекой разнесся треск, отражаясь от крепостных стен. Каменный гигант не остановился, когда пуля ударила в грудь и взорвалась. Попади она даже в гранитную колонну, оставила бы воронку. Однако на доспехах воина не появилось ни трещины.

Дмитрий выстрелил снова, целясь в лицо. Воин даже не поморщился. Тогда словесник перевел на автоматический огонь, шепнул новое заклинание и разрядил всю обойму. Пули накрыли статую, как пчелиный рой, часть даже залетела в тыл. Каждая несла одинаковый заряд.

Сначала Дмитрий хотел устроить скульптуре «шквал Танатоса», но в последний миг передумал. Движущаяся статуя все равно не живая. Он послал «Черную Дыру». В месте попадания должен был образоваться канал утечки Силы. Это было все равно что расстрелять из пулемета воздушный шармонгольфьер. Через пару минут статуя-артефакт превратилась бы в пустую каменную болванку.

Однако этого не произошло. Истукан продолжал свой путь, и аура его даже не шелохнулась.

Дмитрий убрал бесполезное оружие в кобуру, осознав, как дрожат руки. Затем он вытащил из сумки перчатку, расшитую стразами и кусочками зеркала. Такая больше подошла бы Майклу Джексону. На самом же деле это был всего лишь дистанционный сервоусилитель.

Дреер сделал хватательное движение. Ближний к истукану валун поднялся в воздух и обрушился тому на голову.

Эффект вышел лучше, чем от заговоренных пуль. Истукан пошатнулся и остановился. А валун даже раскололся надвое.

– Подобное лечим подобным, – бормотал Дмитрий, поднимая на расстоянии следующий камень.

Этот сразу бросать не стал. Стиснув кулак, будто зажал в нем свинчатку, Дмитрий принялся бить истукана камнем то справа, то слева, то прямо между глаз. От статуи не откололось

ни кусочка, но такие затрещины ее по крайней мере задержали. Истукан явно не ожидал атаки и теперь размахивал руками, отбиваясь от летающего снаряда.

«Виктор Палыч!» – позвал Дмитрий через Сумрак.

«Чего тебе?» – нелюбезно отозвался Лихо.

Судя по тону, его отвлекли от чего-то важного. Может, пресекал очередную выходку школьных задира.

«Докладываю. – Младший надзиратель опять приложил статую камнем. – Мальчик похищен. Веду преследование. Но у них, похоже, голем».

«Уверен?»

«Почти». – Дреер провел дистанционный апперкот, заставив истукана отшагнуть назад.

Сомнения Лихарева были понятны. Канонические големы, во-первых, делались из глины, во-вторых, никогда не встречались в средней полосе России. Вот Прага – иное дело.

«Слепок. Мыслеобраз», – затребовал Лихо.

Дмитрий отослал.

Предполагаемый голем сумел отбить следующий удар, встретив его двумя руками. Он на ходу менял тактику защиты.

Дмитрий врезал камнем сбоку в коленный сустав истукана. В редкое свободное время Лихо наставлял подчиненного в рукопашном бое, ведь еще в тридцатые он был учеником самого Харлампиева. Так что возможный урон Дреер себе хорошо представлял.

Однако связок у истукана, по всей видимости, не имелось, и рваться было нечему. Зато он улучил момент и встретил следующую атаку летающего снаряда ударом кулака.

Камень разлетелся вдребезги. Возможно, истукан применил и магию: в конце концов, ведьму-то развоплотил. Хотя известные големы не умели творить даже самое немудреное волшебство. Они и разума как такового не имели, выполняя приказы хозяина. Глиняные роботы без всякого искусственного интеллекта. Хотя если кто-то догадался одолжить ему Ум Взаимы...

Статуя вновь направилась к Дрееру.

«Палы-ыч!» – заорал Дмитрий, кажется, на весь Сумрак, в панике хватая очередной валун и собираясь огреть скульптуру по затылку.

Истукан неожиданно резво обернулся и метким ударом разнес и этот камень. Он как будто вспоминал самые уязвимые места у своих минеральных предков и теперь разил без промаха.

«Тресни его «прахом», – отозвался Лихарев. – В самый раз против голема. Вникай быстро...»

Он переслал Дмитрию готовый образ заклинания.

– «Прах»! – Дреер направил на истукана руку, сложив пальцы в кукиш, но оттопырив мизинец.

От волнения он все это проделал левой рукой в белой перчатке со стразами.

Истукан остановился. А затем склонил голову набок, рассматривая показанную ему фигуру.

– «Прах»! – рявкнул словесник, выделявая то же самое правой рукой.

Статуя вновь зашагала к нему.

– Тудыть твою дивизию! – выругался Дреер, как делал это Лихарев, когда садился в лужу.

Истукан уже был слишком близко, чтобы докрикиваться до начальства.

Дмитрий ухнул на себя «щит мага». Голова уже слегка кружилась: два неудачных «праха» забрали много ресурсов.

Затем Дреер вырастил из правой ладони «белое лезвие». Этому он научился не в Праге и не в школе у Лихарева. Несколько ознакомительных занятий по боевой магии на курсах Ночного Дозора. Москва, выпуск две тысячи третьего года. Переход в Инквизицию не отменил

старых навыков. А фехтмейстер дон Рауль учил, что в бою пригодится все, и Темное, и Светлое, главное, чтобы к месту.

Клинок получился узким и длинным, больше метра. Не меч, но рапира.

И вот здесь истукан остановился. А затем начал обходить Дмитрия, словно тот стоял в центре магического круга.

Дреер не отводил от него острие, как будто «лезвие» было не из чистого Света, а из железа, истукан же содержал в себе магнит. Словеснику показалось, что каменные зрочки статуи даже чуть расширились.

– Именем Договора! Назови себя! – Дмитрий тоже начал медленно двигаться, сохраняя дистанцию. – С тобой говорит Инквизитор.

Он даже заставил мерцать служебный перстень. Можно было бы спроецировать изображение на низкие облака, как знак Бэтмена, однако следовало экономить и так уже подрастращенную Силу. Да и никто не явился бы на помощь, увидев этот знак. В Сумраке нет супергероев, как и в реальном мире.

Истукан молчал.

– Куда дел ребенка, мразь? – Дреер убрал официальный тон.

Статуя медленно вытягивала из ножен меч. Дреер не стал дожидаться и нанес удар первым, не забывая ускориться. Он рассчитывал, что «лезвие» Света разрежет каменную плоть столь же легко, сколь и лазерный луч.

Но истукан опять проявил немыслимую сноровку. Сместился с линии удара, ухитрился вытащить свое оружие и контратаковать. Теперь уже реагировать пришлось Дрееру.

Ноги сами поставили его под нужным углом. Спасибо Раулю, тот, браня краткосрочность обучения, вбивал в них свою «ла дестреза» всеми доступными средствами, от заговоров до элементарной муштры. И «белое лезвие» было не так тяжело, как учебная рапира. Фактически оно ничего не весило. Выпад Дмитрий отбил автоматически.

Клинок Света выплеснул сноп искр, сталкиваясь с мечом врага. Оружие истукана ушло в сторону, но осталось невредимым. Как он сам после расстрела заговоренными пулями.

Руку Дмитрия словно обожгло. Он отступил.

Меч статуи выдержал прикосновение чистого Света, хотя тот мог резать материю на атомарном, если вообще не на кварковом уровне. Значит, кто-то вручил этому странному голему настоящий магический клинок. И не просто настоящий, а по мощи сравнимый с Бальмунгом или Дюрандалем – мечами, которые спрятаны глубоко в схронах Инквизиции, и только Великие имеют к ним доступ.

Дмитрий поменял тактику. Истукан рубил, а что он сможет сделать против быстрого выпада с уколom?

Как выяснилось, вполне мог, и Дреер едва уклонился от нового встречного удара. Клинок истукана не задел его самого, зато по касательной затронул «щит мага».

Дмитрия снова обожгло. Не снаружи, нет, а как будто изнутри.

Он понял, что происходит, и уже по-настоящему взмок. Меч противника отнимал Силу у всего, к чему прикасался. «Щит мага» он бы не пробил, но обязательно наступит момент, когда не останется ресурса, чтобы тот поддерживать. А Дмитрий и так уже устал. После многочасовой езды, третьего слоя Сумрака, ускорения, заклинания «прах»... Слишком много для волшебника четвертого уровня. Даже со всеми хитроумными инквизиторскими гаджетами и девайсами.

Кстати, о гаджетах...

Можно было бы вырастить еще одно «белое лезвие» из другой руки. Благо, второго меча у статуи не наблюдалось, хотя кто этих каменюк разберет. Но там уже была перчатка-сервоусилитель.

Дреер обругал себя за то, что не додумался сразу. А сработать могло.

Он приблизился к истукану, демонстрируя готовность снова атаковать. Истукан вновь пересек границу воображаемого магического круга. И тогда Дмитрий выбросил вперед руку в перчатке, дистанционно схватив запястье скульптуры и не дотрагиваясь до меча.

Человеку раздробило бы кости в труху.

Дмитрий отвел захват в сторону и резко удлинил «белое лезвие», ожидая, что оно войдет точно между глаз истукана. Но каменный гигант тоже оказался не лыком шит. Он убрал голову, шагнул вбок, заставляя Дреера сделать свой шаг... и тот запнулся о кусок валуна, ранее запущенный в великана.

Дмитрий рухнул на спину. Руки смягчили падение – самбист Лихо научил страховке.

А сверху обрушился меч. Истукан уже не рубил, а колот, силясь пробить «щит мага». Впрочем, пробивать и не требовалось. Меч вытягивал Силу, как сок через соломинку. Или как вампир высасывает кровь из горла. А он может выпить все пять литров за секунды...

Дмитрий сосредоточил остатки того, что было в «щите», стараясь рукой в перчатке отодвинуть статую подальше... но у той чувствовалась своя защита.

Острые опускалось, вбуравливаясь в «щит», делая его все тоньше и тоньше. Дреер понял, что уже не сможет даже воззвать к Лиху.

Нечто огненное взорвалось над ним.

Меч остановился.

Еще один разрыв заставил истукана пошатнуться, а Инквизитора – откатиться подальше. Только затем Дмитрий рискнул поднять голову.

С обрыва спускался Евстафий, рядом бежал, залиvisto взлаивая, сумеречный пес Джим. Дозорный чем-то махал, точно волшебной палочкой, и от каждого его взмаха истукан сотрясся.

– Изыди, гад! – Дмитрий поднялся на одно колено и вновь вырастил «белое лезвие».

Клинок мерцал, как неоновая реклама, которой не хватает энергии. Тем не менее Дмитрий сумел дотянуться до истукана. Тот, даже под градом ударов Евстафия, демонстрировал класс: уклонился от выпада с грацией тореадора, какую в нем совершенно нельзя было заподозрить. Но все же «белое лезвие» отхватило кусок его платья.

– А Кошей-то не бессмертный! – Дмитрий встал во весь рост.

Каменный воин отступал. Не пятился, а с достоинством отходил, признавая, что баланс сил теперь не на его стороне. Острие меча он направил на Дреера, а против Евстафия выставил свободную руку, растопырив пятерню, словно показывал: «Стоп!»

На удары дозорного статуя теперь не реагировала, словно тоже установила «щит».

А потом... Истукан начал растворяться в воздухе. Дмитрий зашарил глазами вокруг себя, еле нашел свою тень, поднял торопливо, как натягивают свитер через голову, внезапно обнаружив, что опаздывают.

Второй слой выплеснул на него ушат холода. Истукан уже растворялся и здесь. Не просто таял, а как будто погружался в трясину, уходя в землю сначала по колено, затем по пояс. Дмитрий прыгнул к нему, рубанул «белым лезвием» – но рассек лишь воздух.

В колени ткнулся носом Джим, потом забежал вокруг места, где пропала статуя. Остановился, поднял морду и завыл.

Рядом появился Евстафий.

– Ушел, – сказал Дмитрий. – Вниз. Будем надеяться, что в геенну.

– Сомневаюсь, – покачал головой бывший поп. – А Сонька сбежала.

– Мертва, – сообщил Дреер. – Этот Франкенштейн ее вперед себя отправил. Боюсь, и пацана тоже.

– Судя по линиям, мальчик жи... – Дозорный осекся.

– Что? – Словесник повернулся к нему.

– Линии... распадаются... укорачиваются... Его больше нет. Или есть? Ничего не понимаю.

Сумеречный пес уже не выл, а смотрел на двух Иных так, что Дмитрий невольно вспомнил есенинское «покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег».

– Пойдемте. – Евстафий положил руку на плечо Дмитрия. – Долго вы тут не выдержите. Еще в кому впадете, чего доброго.

Они вышли на первый слой. Дмитрий подумал, что для экспертизы нужно отыскать кусок, отколотый им от статуи, но усталость наваливалась глыбой. Он все же сделал над собой последнее усилие, достал цепочку-ошейник и надел на Джима.

В реальный мир Дреер вышел, держа фигурку пса на ладони. Пес качал головой.

Над заливым лугом вились бабочки, как первоклассницы в школьном дворе. Вдалеке золотили небесную синь церковные купола. Играла бликами река.

Дмитрий опустил на траву. Евстафий остался стоять над ним.

– У вас нет шоколадки? – спросил Дреер.

– В сумке мальчика есть пироги, – напомнил дозорный. – С яблоками и повидлом. Ему уже без нужды.

– Я его найду, – упрямо сказал Дреер. – Чем вы, кстати, били?

– Вот. – Евстафий показал обычную деревянную некрашеную ложку. Вероятно, сам ее и вырезал. – Долго заряжал, больше для тренировки. Думал, никогда не пригодится.

– Дорога ложка к обеду, – покивал Дмитрий, глядя на столь необычный боевой жезл.

– Пойдемте. – Евстафий протянул руку. – Вы совсем обессилели. Я помогу.

– Помолитесь за них, – вдруг сказал Дмитрий. – За мальчика и за ведьму тоже.

– Помолюсь, – ответил дозорный. – Не надо было мне его туда сажать. Не думал, что так...

Словесник тяжело поднялся.

– Надо будет, из преисподней достану. Хотя Сумрак все-таки не ад, – зачем-то произнес он, словно пытался убедить сам себя. – Из ада повесткой не вызывают. А Трибунал Инквизиции из Сумрака может. Даже после смерти.

– Знаете, это, наверное, еще хуже. – Евстафий поддержал Дмитрия за локоть. Словесника шатало, как пьяного.

– Почему?

– Если даже великие грешники Темные попадают не в ад, а куда-то в Сумрак, значит, Он совсем отвернулся от Иных, – серьезно и задумчиво ответил дозорный. – Значит, мы не достойны даже Его суда.

Глава 3

В библиотеках Дмитрию всегда нравилось. Старые деревянные полки, канцелярские запахи, чахлая зелень в треснутых горшках. Ряды корешков – будто солдаты в потертых мундирах с выцветшими эполетами заглавий. Строй бойцов за человеческие умы. А пожелтевшие формуляры – как повестки на фронт.

Библиотека Инквизиции в Праге в этом смысле могла считаться образцовой с ее каменными сводами и светильниками, имитирующими факелы. Не хватало разве что черепов-подсвечников и каких-нибудь дежурных кобальдов. Архив выглядел поскромнее. Невеликий по размерам читальный зал всего на несколько столов. Далеко не новая, но и не сказать, чтобы антикварная мебель. Угловатые аппараты для чтения микрофильмов, похожие на капища божков эпохи научно-технической революции из шестидесятых. И всего один компьютер с мерцающим экраном.

Демонстративная архаика Инквизиции Дреера иногда умиляла, иногда просто-напросто раздражала. Дозоры с их вечной подковерной борьбой вынуждены были шагать в ногу со временем, а Инквизиция делала вид, будто застыла в дне заключения Великого Договора. Стипендия курсантов, к примеру, именовалась в документах не иначе как «содержание». А однажды это содержание им не перевели на магнитную карточку, а выдали в старинных золотых монетах. Помнится, они тогда втроем с Ивой и Майлгуном не сумели придумать, что делать с этим богатством. Дмитрий решил, что потратит свое на благотворительность, однако пока так и не собрался, оставаясь, быть может, единственным российским педагогом-словесником, хранившим в иностранном банке сбережения в драгметаллах.

Конечно же, у Инквизиции не было ни сайта, ни единой ведомственной интернет-базы данных. Потому скрепя сердце начальник Дмитрия Одноглазое Лихо, одобрил его командировку в Прагу. Повод имелся вполне официальный: младшему надзирателю следовало лично доложить о суздальском инциденте.

Но сначала было еще много всего.

– Ты что, соображать разучился? – выговаривал Дмитрию Лихарев, когда тот вернулся в школу и поведал о своих бесславных подвигах. – У тебя сервоусилитель на руке, а ты, как обезьяна, кидаешься булыжниками! Нет бы сразу и просто открутить голову этому памятнику-переростку! На худой конец поднял бы какую-нибудь башню, да и придавил бы, как клопа! Никакой тактики, никакой стратегии! Так он еще и дуэль с этим статуём затеял! Сирано де Бержерак доморощенный! Датский принц, тудыть твою дивизию! В мушкетеров давно не игрался, детство босоное вспомнил?

Дрееру было стыдно. Очень стыдно. Но чувство вины за то, что не привез мальчика, сильно перевешивало то, как неумело он провел свой поединок.

– Хорошо еще, Ночной сработал. Не перевелись на Руси крепкие в вере...

– Виктор Палыч, а вы что, тоже? – хотел было аккуратно прекратить головомойку подчиненный.

– Я диалектический материалист и член ВКП(б) с двадцать первого по девяносто первый, – сказал Лихо. – Но людей с убеждениями всегда уважал, уважаю и уважать буду. Иных это тоже касается.

Вместе с Евстафием Дреер провел сначала дознание на месте, однако никаких сведений, проливающих хоть какой-то свет на разгадку исчезновения Матвея Косицына, не получил. Допрос родных мальчика ничего не дал. Ведьма-практикантка Асенька даже под воздействием «Последней Исповеди» лепетала, что понятия не имела о каких-то сумеречных делах своей руководительницы. Оборотень Сергуня после насильственного вытрезвления не сказал в адрес Софии ни единого печатного слова.

Дмитрий, как ни странно, проникся к дышащему перегаром волкулаку некоей симпатией. Тому в свое время не хватило решимости умереть, когда его укусил по лицензии другой оборотень, однако самому рвать зубами людей было невыносимо противно. Теперь он глушил водкой симптомы ликантропии, а перед ежемесячной трансформацией уходил в запой, чтобы никто не воспринял неадекватное поведение как что-то особенное.

Потом в Суздаль явился для разбирательства московский Инквизитор Максим, а Дреер, написав докладную, уехал восвояси. Найти кусок статуи, отрубленный «белым лезвием», не удалось, и за это Дмитрий тоже получил нагоняй от Лиха.

Ресурсов на портал до Праги младшему Инквизитору ждать не приходилось. В самолете Дреер читал новомодную среди школьного персонала книжку «Географ глобус пропил», временами хохоча на весь салон. Когда надоело, отрывался и в сотый раз изучал скудное досье на пропавшего Матвея. Зацепок не находилось.

Свой доклад особой комиссии Дмитрий сделал через час после прибытия. С демонстрацией слепков ауры (уже разосланных), мыслеобразов (тоже рассмотренных), карт происхождения и схем. Комиссию возглавлял ответственный за восточный сектор Эдгар, бывший глава эстонского Дневного Дозора и замглавы московского. Дреер закончил предложением ревоплотить ведьму Софию для дачи показаний. Упирали на то, что был атакован Инквизитор, атакован сознательно и необычным оружием, возможно, големом.

Эдгар, однако, остудил пыл надзирателя. Он напомнил, что со дня заключения Договора ревоплотение применялось всего трижды. Вызвать умершего Иного с нижних слоев Сумрака дозволено лишь Трибуналу Инквизиции как самое крайнее средство. Последний раз к этому прибегли шесть лет назад, ревоплотив молодую ведьму Алису Донникову, погибшую на дуэли со Светлым магом. А посему – исключено. Во-первых, лимит исчерпан на ближайшие лет двести. Во-вторых, дело в Трибунал не передано и не будет ввиду отсутствия взаимных претензий Дневного и Ночного Дозоров.

Тогда Дмитрий извлек свой последний козырь:

- Случай с Матвеем Косицыным не единичный.
- Вот как? – приподнял голову Эдгар.

Остальные члены комиссии, в серых балахонах похожие один на другого, сидели неподвижно, как восковые фигуры. Или как статуи.

– Я посмотрел в школьном архиве. Есть еще одно дело, две тысячи второго года. Виктор Белугин из Томской области. Тринадцать лет, Темный, пятый уровень. Инициирован и взят в ученики шаманом. Только шаман опять нарушил Договор и право на воспитание несовершеннолетнего мага, разумеется, потерял. Есть направление мальчика к нам в интернат, подписано Угорем из краевого Ночного Дозора, без возражений со стороны Дневного. Эдакий Темный самородок, которого решили направить учиться в центр. Но Сибирь далеко, кадровый состав Дозоров маленький, везти было некому. Посадили на поезд, навесили оберегов, а в Москве должен был встретить Лихо... то есть Виктор Павлович Лихарев. Однако в Москву Белугин не явился. Пропал. До сих пор в розыске.

– Ни о чем не говорит, – ответил Эдгар. – Мало ли подростков уходят в бега? Сибирь большая, мог и в Китай податься. Тем более мальчик способный. Сейчас уже давно вырос.

– Мы также получили данные по шаману Амосу Бочкину, он инициировал мальчика. По невыясненным обстоятельствам развоплотился вскоре после исчезновения Белугина.

– Тоже объяснимо. Потерял ученика и...

– Он был Темным шаманом, – напомнил Дмитрий, глядя прямо в холодные глаза Эдгара. – Темные себя не развоплощают.

– Дреер, вы сами сказали – «по невыясненным». С чего вы взяли, что он сам?

– Это не я, а вы предположили.

– Хватит! Якутскими шаманами занимается Азиатское Бюро. Вы нам очень помогли, но оснований для открытия нового дела лично я не вижу. Решение комиссии вы узнаете сегодня. Можете идти.

Пока они совещались, Дмитрий сидел в приемной и пытался через секретаря выяснить, где сейчас Ива. Узнал, что на выездном задании – и все. Майлгун Люэллин оказался в Праге, и хотя бы это радовало.

Наконец его повторно вызвали. Эдгар официальным тоном сообщил, что дело о суздальском инциденте закрыто. До специального распоряжения функции городского Дневного Дозора будет исполнять уполномоченный из Владимира. Ночному Дозору Суздаля по рекомендации младшего Инквизитора Дреера должны быть выписаны лицензии на Светлые действия не ниже четвертого уровня.

Дмитрий мысленно порадовался за Евстафия. Пожалуй, это был единственный плюс во всей истории. То, что ему самому вынесли персональное поощрение и дали внеочередной отпуск, никаких эмоций, кроме отрицательных, не принесло. Комиссия приняла версию, что голем был делом рук Софии, но вышел из-под контроля, уничтожив мальчика и свою создательницу. Такие случаи в истории бывали, а самый известный бунт голема произошел как раз в Праге. Причину, по которой София выкрала подростка из темницы, позаимствовали из докладной самого же Дреера: попытка организовать подпольный ковен ведьм.

Автор идеи потребовал внести в протокол свое особое мнение:

– Косицына нужно искать. Есть показания главы Ночного Дозора и раскладки линий вероятности. Нельзя хоронить мальчика.

– Если голем затащил его в Сумрак, мальчик прожил недолго.

– Вы прекрасно знаете, это не голем. Иначе его остановило бы заклинание «прах». А ведьма не была Высшей, чтобы создать голема. А голем не может убивать магией, только грубой силой...

– Хорошо, – вдруг согласился Эдгар. – Надзиратель Дреер, вам дается двое суток. Если за это время вы предоставите информацию, что мальчик может быть жив, расследование будет продолжено. Идите.

Дмитрий вышел, не понимая внезапной перемены. Однако... что он мог предоставить за два дня? Смотреться в Суздаль, найти злополучный кусок истукана? Но там уже поработала следственная группа Инквизиции, те разыскивают улики куда надежнее, чем любой металлоискатель – старые монеты. А еще раньше они с Евстафием и сами облазили на коленях место поединка. Да и без портала Дмитрий не сумел бы обернуться так быстро, а портал ему никто не откроет. Оставался архив и база данных... если только Эдгар не отметет все, что он там накопает.

В раздумьях Дмитрий спустился этажом ниже. Здесь располагались учебные аудитории. Одна дверь была приоткрыта, и, скорее по простому человеческому наитию, чем доверяясь интуиции мага, Дмитрий заглянул туда.

Занятие вел рыжий валлиец Люэллин. Интересно, какой порядковый номер присвоили ему по сложившимся негласным правилам? Штатных преподавателей в Инквизиции не держали, обучение даже любой теории проводили сугубые практики.

Рыжий повернул лицо к двери, узнал Дмитрия и широко улыбнулся, показав щель между передними зубами. Он, похоже, все уже провидел заранее, эта способность у Майлгуна была развита куда лучше, чем у Дреера или Ивы.

«Привет!» – мысленно сказал валлиец и тут же по-английски продолжил лекцию о волшебных свойствах растений континентальной Европы.

«Здорово живешь», – ответил Дмитрий.

Мысленная речь позволяла великолепно понимать чужие идиомы.

«Надолго?» – Майлгун тем временем ткнул в изображение календулы на плакате и велел студентам прочесть параграф учебника.

«Два дня максимум».

Они перекинулись еще несколькими беззвучными репликами. Майлгун не знал, где сейчас Ива. Не виделись теперь неделями: девушку – боевого мага уже не второго, а первого уровня, постоянно бросали на разного рода амбразуры. В конце концов Дреер и Люэллин договорились встретиться в любимой пивной неподалеку от инквизиторской гостиницы.

Но это предстояло вечером, а пока Дмитрий отправился в архив.

* * *

Пражское Бюро никогда не занимало только одно здание, однако все его филиалы стояли неподалеку, так, чтобы можно было дойти пешком. Архив располагался там же, где и закрытый Музей Инквизиции с главной реликвией – подлинником Великого Договора. Местоположение пражского схрона артефактов знали только Высшие Инквизиторы и особо доверенные лица. Схрон перенесли сюда шесть лет назад, после того, как секта «Братьев Регина» атаковала бернское отделение. Однако через два года разлилась Влтава, и тайник опять переместили. Схрон пострадал, зато исправно работала пневмопочта между филиалами, тогда как во всей Праге она перестала действовать с самого наводнения. Однако тут, конечно, не обходилось без толики магии.

В отличие от администрации архив и библиотека размещались в здании старинной архитектуры. Дмитрий вспомнил, как год назад прибежал сюда за книгой о «зеркалах Чапека», поднимающих уровень мага.

Как и все корпуса Бюро, этот был невелик по размерам, всего три надземных этажа. Сколько их ниже уровня мостовой – оставалось только гадать или спрашивать главного архивариуса. Дмитрий подозревал, корпуса связывали не только почтовые трубопроводы и статические порталы, но и банальные подземные ходы, разве что местами протянутые через Сумрак.

Народу в архиве оказалось куда больше, чем он ожидал. Вежливый дежурный пан Вацлав, некогда боевой маг, осевший тут после ранения, сообщил, что идет масштабная ревизия и перевод документов в электронную форму. Все, что можно, сканировалось и каталогизировалось.

Однако в читальном зале Дмитрий все же оказался единственным посетителем. Он уже знал, что ищет, и модернизация оказалась как нельзя кстати.

Дмитрий сел за архаичный компьютер. Пластик монитора, казалось, посерел от попытки соответствовать общему стилю организации.

Через пару часов у Дреера уже резало глаза от мерцания экрана. Принтер, тоже далеко не новый, зато лазерный, нутужно пыхтел, выдавая листы распечатки. Будь Дмитрий совсем юным необстрелянным магом, то мог бы подумать, что внутри корпуса трудятся и ворчат какие-нибудь бумажные эльфы.

Он нашел искомое. Только не испытывал от этого никакого удовлетворения.

Детская смертность среди Иных, увы, имела место, как и среди людей. Погибали от самонадеянности, от неверных заклинаний, от слишком долгого нахождения в Сумраке. Становились жертвами психопатов и религиозных фанатиков. Разбивались в машинах, когда родители не верили в пророчество собственного ребенка об аварии. Дмитрия же интересовало другое: странные, нераскрытые исчезновения. Базы по таким делам никто не вел, однако информацию давали всевозможные иски, жалобы и откровенные кляузы Дозоров.

Йозеф Когоут, двенадцать лет, Темный, седьмой уровень. Пропал без вести в Праге в 2002 году, в дни наводнения. Розыск не дал результатов. Предположительно старался преодолеть залитые улицы в Сумраке и не сумел выйти.

Ханна Продль, тринадцать лет, Темная, начинающая ведьма, шестой уровень. Пропала без вести в 1997 году. Жила в Мюнхене. Подан иск Дневного Дозора к Ночному по подозрению в случайном убийстве по неосторожности. Отклонен.

Гаспар Энгельбрехт, четырнадцать лет, Темный, седьмой уровень. Австрия. Пропал через несколько дней после инициации. Предположительно самостоятельно погрузился на второй слой Сумрака, переоценил свои силы и не вышел. Поражением в правах наказан инициатор и наставник мальчика Темный маг четвертого уровня Фридрих Вертмюллер. Инквизицией отклонен запрос о разрешении Темных действий для восстановления равновесия Света и Тьмы в Зальцбурге.

Словесник полагал, что разыщет два-три прецедента, а нашел одиннадцать подобных случаев за последние двадцать лет. Все они были разными по обстоятельствам и кругу фигурантов. Однако нечто общее проглядывало: исчезали дети и подростки в возрасте от десяти до пятнадцати. Темные невысокого уровня, но – только маги, иногда ведьмы. Ни одного вампира, оборотня, бескуда и прочей низшей касты. Семь из этих случаев произошли в Западной Европе. Ни одного на Британских островах, в Средиземноморье и в европейской части бывшего СССР. Найденный ранее случай с пропавшим Белугиным как-то не укладывался в эту географию.

Дмитрия, однако, мучило предчувствие. Вздохматив распечатку, он подошел к стойке дежурного и запросил учетные книги первой половины двадцатого века. Там фиксировались тяжбы, разбираемые Инквизицией. Заодно выписал досье на ведьму Софию – таковые собирались на всех глав Дозоров.

Никакого компромата на Софию не обнаружилось. Обычные ведьминские проступки. Человеческих жизней на ее совести не висело. Все свои семьдесят лет бывшая хозяйка турагентства «Велес» была крайне осторожна. О попытках творить големов тоже ничего не было известно. Но ведьмы и не творят големов, здесь Эдгар явно перегнул.

Зато учетные книги кое о чем рассказали. Дмитрий выписал в блокнот несколько ссылок и заказал протоколы упомянутых дел.

Часы – старые, как и все в этом архиве – показывали, что Майлгун ждет его в пивнице. Наверное, даже «уговаривает» вторую кружку. Но Дмитрий уже не мог остановиться.

1927 год, Дюссельдорф. Исчезновение одиннадцатилетней Марты Каленберг, слабенькой Темной прорицательницы. Задним числом списано на злодеяния печально известного «дюссельдорфского душителя». Маньяк сознался в шестидесяти восьми убийствах, из которых суд признал лишь девять. Как все прорицательницы, Каленберг не могла бы предсказать собственную смерть. Иск Дневного Дозора отклонен.

1945 год, Дрезден. Дитер Фохт, четырнадцать лет. Темный, седьмой уровень. Тело не найдено. Задним числом все списано на бомбардировку. Ту самую, в которой выжил американский военнопленный Курт Воннегут. Мальчик вполне мог действительно погибнуть от огня, но Дмитрий скопировал и эту справку.

Всего он набрал уже почти два десятка нераскрытых пропаж.

Архивариус принес запрошенные учетные книги конца девятнадцатого века. Дмитрий читал их уже сумеречным зрением, чтобы не тратить силы на перевод.

1888 год, Страсбург. Клодетта Арно, двенадцать лет. Ведьма, уже довольно опытная, инициированная в девять. Пропала вскоре после тайного шабаша. По подозрению в убийстве арестована другая ведьма, Женевьев Брант, шестнадцати лет. Предполагаемый мотив – ревность. Брант скончалась, не выдержав разрешенных процедур дознания. По другой версии – покончила с собой. Вину отрицала до самого конца. Тело Арно так и не нашли. Предположительно осталось в Сумраке.

Часы ударили полночь. Дмитрию везло, что Инквизиция работала круглосуточно. Майлгун, наверное, все еще сидел за кружкой и ждал. Мысленно позвать Дреера он не мог, а сказать

ему новый телефонный номер Дмитрий, разумеется, забыл. Вот тебе и бессловесное общение, вот тебе и двадцать первый век.

Словесник все же заставил себя захлопнуть блокнот и сложить в портфель стопку ксерокопий и распечаток. Глаза слезились, виски ломило. Чтение с допотопного монитора даром не прошло. Дреер развернулся на кресле и попробовал снять усталость и резь толикой магии.

Ничего не вышло. Невидимая печать на его теле (и душе?) не пропускала этого волшебства. Странно, ведь Дреер был на службе и даже выполнял прямое поручение Эдгара. Хотя... кого он хотел обмануть? Не себя, это точно.

В первую очередь то, чем сейчас занимался, было нужно ему самому. Даже не как младшему надзирателю, не как наставнику Дрееру. Печать исправно выполняла свою миссию. Четко и беспристрастно. Как должна работать Инквизиция.

Просить архивариуса помочь Дмитрий постеснялся. Тот, разумеется, не знал о взыскании и печати, наложенной самим Кармадоном. Потому вообразить, что коллега не может своими силами победить утомление, вряд ли был способен. А изучать ауру друг друга у Инквизиторов было не принято.

От Майлгуна же отделяли два квартала. Ничего, не так много. Валлиец приведет в чувство, целитель как-никак. Дмитрий сделал самомассаж – немного полегчало, – взял портфель и приготовился вставать.

На полпути его остановила рука, которая легла на плечо. Нельзя почувствовать мага более высокого уровня, если он подходит сзади и не хочет, чтобы ты его заметил.

Дреер опять сел.

– Мои приветствия, юноша, – произнес за спиной мягкий голос. По-английски, но со знакомым акцентом.

– Старший? – Дмитрий захотел снова встать и, как положено, склонить голову перед наставником.

– Просто дон Рауль. Забыли?

Рука на правом плече все еще не давала подняться. Тяжелая рука, неживая. Если скосить глаза, можно было увидеть перчатку из хорошей кожи. Даже не местного производства, хотя перчатки – один из ходовых пражских сувениров.

– Я чувствую ваше переутомление, – продолжил испанец за спиной. – И вижу печать... судя по манере, это был почтенный Дункель. Снять печать я не имею права, а вот остальное...

Дмитрий ощутил нечто похожее на то, как будто Рауль засунул вторую, живую руку, прямо ему в голову, проникнув через затылок. Было щекотно. Испанец ловко пошарил в черепной коробке, отыскал все лишнее и вытащил наружу.

Голова теперь была абсолютно ясной, без тени усталости и ломоты в висках. Испанец за секунду вытянул все, что мешало, вплоть до крохотного напряжения. Дреер почувствовал, как блаженно улыбается.

Механическая рука убралась с плеча. Словесник наконец-то обернулся.

Дон Рауль тщательно вытирал левую руку белоснежным кружевным платком. От платка распространялся аромат тонкой мужской парфюмерии. Негативную ауру лучше снимает вода, однако испанец явно не хотел тратить время на поиски крана. Закончив процедуру, он подбросил платок в воздух и мгновенно спалил без остатка. Несколько хлопьев пепла опустились на острые носки его лакированных ботинок.

Сотрудники Бюро, кроме женщин, были, как правило, равнодушны к своему внешнему виду, стараясь одеваться прилично, и не более того. Младший надзиратель школы Дреер тут не был исключением. А вот дон Рауль для Инквизитора выглядел франтовато. Выдерживая серые тона штатского костюма, он тем не менее добавил к своему облику несколько изюминок вроде дизайнерского покроя плаща, пестрого шейного платка и элегантной широкополой шляпы, в

которой явно не хватало развесистого пера. Орлиный нос оседлали очки в тонкой оправе, делая испанца чуть похожим на суздальского дозорного Евстафия.

– Благодарю, Старший. – Дмитрий все же ритуально склонил голову.

– Без церемоний, юноша, – отмахнулся испанец. – Вы мне нужны. Я узнал о решении комиссии и подумал, что найду вас здесь.

– Чем могу быть полезен?

– Беседой. Но – в более подходящем месте. Вам не повредит бокал вина и ужин. Я знаю неплохой ресторан здесь рядом, туда заходят и Великие.

При слове «ресторан» Дмитрий опять вспомнил о Майлгуне.

– Вообще-то меня ждет друг. В пивнице, в двух кварталах...

Он осекся. Образ дона Рауля никак не вязался даже с очень благообразной чешской пивной.

– Думаю, что не дождется, – улынулся фехтмейстер Инквизиции. – Судя по всему, то, из-за чего вы здесь оказались, – испанец обвел рукой читальный зал, – для вас куда важнее встречи с другом. А кроме того, вы теперь мой должник.

Дмитрий мысленно попросил прощения у Майлгуна.

* * *

Добраться до ресторана, куда заходят и Великие, им с Раулем все-таки было не суждено. Выйдя на крыльцо архива в пражскую ночь, ни Дмитрий, ни испанец об этом еще не знали.

Они спускались вниз по узкой улочке, вымощенной брусчаткой, и говорили через Сумрак. Идущим навстречу, коих было немного, вероятно, казалось, что двое мужчин прогуливаются неспешно и молча. Третьим молчаливым собеседником выступала круглая луна, усевшаяся на острый конек крыши в самом конце улицы. Пражские оборотни, хотя и не подчинялись фазам ночного светила, должны были сейчас чувствовать себя неудобно. Впрочем, их популяция тут невелика, предпочитают сельскую местность. Зато в отличие от России намного больше вампиров.

– Кто ваш друг? – почему-то спросил для начала Рауль.

– Майлгун Люэлин, из Монмута. Вы его помните, рыжий такой. Он сейчас преподает на курсах траволо... растительную магию.

– А девушка есть? – Испанец посмотрел на Дреера искоса.

Дмитрий смущенно покачал головой.

– Ответ неверный, – усмехнулся в усы фехтмейстер.

– Она... девушка друга. – Дмитрий захотел провалиться сквозь мостовую перед старым мастером, читавшим его мысли, как бульварный роман, без всякой магии.

– Того, рыжего? И вас это останавливает?

– Он же мой друг! – Дмитрий понял, что в сердцах сказал это не в Сумраке, а в нормальном, человеческом мире.

А по тому, как склонил голову Рауль, осознал, что погорел. Испанцу тут не требовались слова.

Настоящий ли друг ему Майлгун? Или только приятель по курсам? Они что, съели вместе пуд соли, прошли огонь и воду? Хотя бы дружили с детства, когда происходит самое таинственное, и сопливый мальчишка, с которым вы играли в песочнице и порой разбивали нос, непонятно с чего делается тебе ближе, чем родной брат, на всю оставшуюся жизнь? Ничего этого не было. Майлгун старше его вдвое, хотя и выглядит ровесником, они толком ничего не знают друг о друге, и связывает их только какая-то странная противоположность характеров. Так легко вышло нарушить данное ему обещание! Да, возникающая у взрослых дружба не такая,

как вынесенная из детства, но... Дружба ли у них с Майлгуном вообще, если такие мысли приходят в голову?

А Ива? Что у нее сейчас с валлийцем? Может, их короткий «студенческий» роман давным-давно закончился? Хотя, когда Дмитрий в прошлом году угодил под внутренний Трибунал, они все еще были вместе.

Что на самом деле мешало Дмитрию хотя бы намекнуть Иве о своей симпатии? Неужели пресловутое «третий должен уйти»? Или просто вера, что ничего не получится, а потому не стоит и пытаться? Ива всегда относилась к нему покровительственно и заботливо, с высоты своего уровня и возраста. Эта проклятая разница, совершенно незаметная из-за консервации Иной, тоже предательски нашептывала Дмитрию, что нужно оставить все как есть. Ива, конечно, не годилась ему в матери, и постареть ей не грозило в сколь-нибудь обозримом будущем, но все же, все же...

– Прекрасная сеньорита, – фехтмейстер нанес завершающий укол. Испанец отлично знал Машкову, одну из лучших своих учениц, и без труда догадался, о ком они говорят. – Если хотите, юноша, могу дать вам несколько и таких уроков.

– Любовная магия? – криво улыбнулся Дреер.

– Когда-то я был инкубом, – ответил дон Рауль.

Его уровень не позволял младшему даже понять, кем был испанец до прихода в Инквизицию, Светлым или Темным. Впрочем, инкубы встречаются в обоих лагерях. Однако сейчас Дмитрий почему-то уже не сомневался, что дон Рауль в этой своей ипостаси принадлежал Тьме. Вряд ли бывший Светлый, как сам Дреер, спросил бы, услышав о девушке друга: «И вас это останавливает?»

– Чтобы получить любовь женщины, магия не нужна, – развил мысль фехтмейстер.

– Я не пользуюсь магией для себя, – сказал Дреер.

– И не нужно! – подхватил Рауль.

Что он имел в виду, только ли амурные дела, или же все в целом, осталось неясным.

– Но об этом позже, – продолжил испанец. – Я хотел побеседовать о другом.

Они достигли конца улочки. Высокие дома раздвинулись, как занавес, открывая набережную Влтавы. На воде играли огни фонарей.

– Я читал вашу докладную, – сообщил Рауль. – Особенно интересен отрывок о фехтовании с этим...

– Големом, – вставил Дмитрий.

Рауль опустил в карман здоровую руку, извлек небольшую коробочку, напоминающую портсигар с золоченым символом на крышке. В коробочке на мягком черном бархате лежал прозрачный кристалл.

– Я имею честь исполнять должность хранителя нематериальных свидетельств. И позволил себе сделать копию мыслеобраза вашего поединка.

Дмитрий предполагал, что Рауль должен быть боевым магом. Но представить его на должности кого-то среднего между библиотекарем и зрителем музея... Хотя, учитывая нападение на бернский схрон артефактов шесть лет назад, кому, как не Раулю, возглавить такой пост. Разумеется, у него были права скопировать мыслеобраз, подвешенный на кристалл. Все равно что скачать на флешку. Кстати, такой способ копирования информации появился немногим раньше, чем запоминающие устройства. Мыслеобразы вообще стали широко использоваться где-то в эпоху развития психоанализа.

– Вы допустили ряд ошибок. – Рауль ловил в кристалл свет уличных фонарей и пристально смотрел вглубь. – В первую очередь – потеряли спокойствие и ясность сознания...

«Еще один!» – устало подумал Дмитрий. Ему хватило разбора с Лихаревым.

– Но сейчас это не важно. Мыслеобраз слишком многое искажает. Я хочу, чтобы вы описали мне в подробностях вашего... противника.

– Сначала я подумал, что это голем, – сказал Дреер. – Для себя я все еще так его называю. Но это не голем.

– Верно, – кивнул испанец. – Я таких видел. Остатки того, кого сотворил Бен Бецалель, покоятся в нашем схроне. Их давно перенесли с чердака Староновой синагоги. Тайно, во время войны, после того как голем пробудился и убил немецкого солдата.

– Тот, с кем я дрался, был не из глины. Это была статуя. Не знаю, как описать. Он... как будто из живого камня. – Дмитрий хлопнул ладонями по парапету набережной. – Слов не хватает.

– Это точно был... мужчина, а не женщина?

– Абсолютно. Знаете, он очень мягко двигался для статуи. В Петербурге я видел, как оживает памятник Петру у Михайловского замка. Потом даже заклинание это изучал – «Мону-ментум». Так он когда с пьедестала соскочил – аж земля содрогнулась. А этот двигался как человек... И еще он мог бить магией на расстоянии и защищаться. У него был свой ум.

– Взгляните. – Дон Рауль убрал футляр с кристаллом в карман и вытащил из-за пазухи бумагу, свернутую трубкой. Развернул – и Дмитрий увидел рисунок. Черно-белый, похожий на карандашные иллюстрации в старинных книгах века примерно семнадцатого.

Дмитрий пристально смотрел на Рауля:

– Вы тоже с ним встречались?

Помрачневший фехтмейстер уже засовывал рисунок обратно за пазуху.

– Это вы нарисовали? – не унимался Дреер.

– В меру отсутствия таланта.

– Очень похоже. Кто это? – Дмитрий заговорил быстро, чувствуя, как участилось сердцебиение.

– Старый враг. Но он давно мертв. – Рауль отвернулся и посмотрел куда-то далеко, на другой берег Влтавы.

– Почему вы ничего не сказали комиссии, Эдгару?

– В бою нужна точность, юноша. Точность, а не опасения или глупые надежды.

– Вы должны мне помочь. – Дмитрий почти затараторил. – Я кое-что накопал. Кто-то уже давно занимается похищениями Иных детей по всей Европе. Возможно, и в Азии, но тут нет информации, нужны материалы других Бюро. Они уже лет двести этим промышляют. Я думаю, это какая-то секта Темных, как те же «Братья Регина». Может, они вербуют себе новых членов. А может, опыты на детях проводят, скоты. Никто не поверит в связь этих пропаж, но если вы подтвердите, что статуя реальна... Тогда начнется расследование. Может быть, ваш старый враг с ними, это же зацепка!

– Я сам его убил. – Рауль повернулся и взглянул на Дмитрия. В профиль он больше походил на чешского Мефистофеля, чем на испанского дуэлянта-инкуба, а сейчас и вовсе напоминал постаревшего мафиози. – Вот эта ладонь, – он поднял механический протез, – тогда еще вполне живая, чувствовала, как остывает тело.

– Он был магом? Темным?

– Да. Темным. Сильным. Высшим. А я был молодым. Но способным, как вы, юноша.

– Если он был выше вас рангом, – Дмитрий словно вспоминал прописные истины курсов, – то мог обмануть. Даже подстроить свою смерть таким вот образом. Как вы убили его?

– Рапирой. На дуэли. Не я ее начал, и Трибунал меня оправдал. Я пронзил его мозг.

– А если... – Дмитрий не успел договорить.

В кармане заиграл телефон. Мелодию Дмитрию перекачал его тезка, Светлый Митя Карасев из восьмого «А». На дисплее высветилось «Эдгар».

– Дреер, где вы? – спросил требовательный голос из трубки. – Срочно ко мне! Немедленно!

Дисплей показал: «Вызов завершен».

- Что-то стряслось, – сказал Дмитрий Раулю, который все, разумеется, слышал. – Опять.
- Мы вернемся к нашей беседе, – пообещал тот. – А сейчас я помогу вам по-другому.

Вызову такси.

Желтое авто подъехало через полминуты. Рауль не доставал мобильник и вообще не произнес ни слова. И только когда такси уже останавливалось, снова заговорил:

– Вот что, юноша. Я беру вас в личные ученики. Вы можете позвать меня откуда угодно, и я услышу.

– Это честь, Старший. – Дмитрий поклонился, не обращая внимания на таксиста и прохожих.

– Сейчас у меня нет других учеников, – сказал Рауль, когда Дреер уже сел на заднее сиденье. – Кроме той прелестной сеньориты с вашего курса, пани Машковой...

Ах ты, старый шельмец, подумал Дмитрий, чувствуя непривычный укол ревности. Рауль уже захлопывал дверь и, как показалось, ухмыльнулся в усы.

Глава 4

Хотя Дмитрий не говорил водителю, куда ехать, тот почти мгновенно домчал его до управления Бюро. Наверное, сказала магия Рауля. Больше того, стоило младшему надзирателю, уже вышедшему из машины, потянуться за бумажником, желтая «школа» без предупреждения сорвалась с места и умчалась. И это при том, что пражские таксисты обычно славились охотой до денежных знаков!

Дреер взбежал на второй этаж. Секретарша молча указала ему на кабинет. В офисе Инквизиции не пользуются внутренними телефонами.

Эдгар был в сером форменном балахоне. Даже это строгое одеяние не особенно сглаживало его полноту. Рядом с ним замер другой Инквизитор, опустивший капюшон так низко, что Дмитрий не мог его узнать.

– Вы со мной возвращаетесь в Россию, – без предисловий заявил Эдгар, как только Дмитрий появился на пороге.

– Когда рейс? – быстро спросил Дреер.

– Какой рейс? – Эдгар взглянул на него как на идиота. – Через портал, сейчас же!

«А Лихо просил сливовицы бутылочку захватить», – с чего-то подумал Дмитрий. И тут же снова позабыл об этом, заговорив:

– Вы мне дали двое суток. Но я уже нашел в архиве...

– Потом! – оборвал Эдгар. – У нас нештатная ситуация. Школа захвачена.

– Что?

– Ваша. Школа. Захвачена, – отдельно произнес Эдгар. И, не дожидаясь следующих вопросов, так же рублено объяснил: – Своими же учениками.

– А Виктор Палыч? Лихарев? Он же со мной связался бы тут же... – Дмитрий не мог уложить в голове реплики Эдгара.

– Надзиратель Лихарев не выходит на связь. Ни на какую, – ответил бывший Темный. – Скорее всего убит. По крайней мере если бы я захватывал школу, первым делом убивал бы Инквизиторов. Так что вам, возможно, повезло. Но временно.

– Откуда информация про учеников? – как можно более деловито спросил Дреер, на самом деле ошарашенный и новостью про Лихо, и тоном, каким Эдгар ее сообщил.

– Узнаете, – раздраженно бросил куратор. – А сначала вопросы будут к вам. Мы отправляемся к школе. Максим уже на месте. Идите сюда, живо!

Серый балахонник с надвинутым капюшоном, не проронивший ни слова, уже раскрывал портал. Оттуда потянуло сыростью и запахом хвои. Сквозь призму, очерченную в воздухе посреди ярко освещенного кабинета, Дмитрий увидел древесные стволы и непроглядную тьму между ними.

В следующее мгновение с той стороны показался Инквизитор с походным фонарем. Эдгар первым шагнул ему навстречу, Дреер – вторым.

* * *

В лесу развернули полевой штаб. Дмитрий увидел просторную светло-серую палатку: маскироваться от посторонних глаз Инквизиторам не было нужды благодаря хитро выстроенной «сфере невнимания». Изнутри палатка оказалась ярко освещена, видимо, светильник или несколько разместили на столе в ее центре. По стенкам из парусины двигались тени.

Сторонний наблюдатель, если бы все-таки увидел эти силуэты, вздрогнул бы и подумал, что в лесной палатке идет какой-то дикий маскарад. Дело в том, что далеко не все из них были человеческими и даже гуманоидными. Но при этом большинство теней принадлежало суще-

ствам, одетым в длинные одежды. Наметанный взгляд без труда распознал бы в этих платьях инквизиторские балахоны.

Дмитрию на пару секунд тоже стало не по себе от зрелища, похожего на перевод фантазий Иеронима Босха на язык театра теней. А потом он разобрался, что к чему. Вместе с обычной лампой в палатке кто-то поставил и Сумеречный Фонарь, высвечивающий сумеречный облик присутствующих, как рентген высвечивает не слишком приглядное нутро.

Бывших Темных в Инквизиции всегда оказывалось намного больше, чем бывших Светлых. Соотношение «один к шестнадцати», вернее, «шестнадцать к одному», действовало здесь так же, как везде, а уместным казалось как нигде. Светлые всегда хотели исправить мир, а Инквизиция существовала для того, чтобы хранить баланс. Перевес или даже паритет Светлых с Темными породил бы куда более мощный соблазн качнуть весы, чем если бы Инквизиция состояла из даже одних только Высших вампиров. Несмотря на то что в Инквизицию приходят лишь те, кто отрекся от своей стороны. Шаг за грань Света и Тьмы невероятно труден. Шаг обратно – невозможен.

Впрочем, попадались экземпляры, которые избегали бремени выбора. Например, Максим, заместитель Эдгара, ставший Инквизитором сразу же после полноценной инициации. Однако до нее изначально Светлый Максим убил около десятка человек – слабых, благонадежных Темных. Женщину-пантеру, которая ни разу в жизни ни на кого даже не оскалилась. Бизнесмена, который применял магию, только чтобы заключать выгодные сделки и отваживать рэкет. А под конец своего пути серийного убийцы Максим едва не зарезал ребенка.

Теперь он так же рьяно защищал Договор. Максим в принципе не был способен изменить ни себе, ни своему обету. Возможно, потому в Сумраке он сохранил человеческий облик. Добавилось только одно: его кожа отливала сталью, как будто содержание железа в организме резко превышало норму.

Но таких, как Максим, в палатке оказалось не много. Сумеречный Фонарь высвечивал и получеловека-полунасекомое, и рептилоидов, и демонов с рогами. У одного за спиной даже топорщились перепончатые крылья – вылитый падший ангел.

Эдгар тоже, войдя в палатку, трансформировался, хотя и не так сильно, как другие. Он не был столь древним и сильным Темным, как кое-кто из собравшихся, поэтому остался похож на обычного человека, без шипов, когтей, хвоста и прочих атрибутов нежити. Однако бывший глава Дневного Дозора Эстонии словно высох, кожа обвисла на костях, а балахон стал напоминать ветхое рыцарское одеяние. Это было неожиданно, ведь Дмитрий точно знал, что Эдгар рыцарских времен не застал. Но сейчас он больше всего напоминал воина, когда-то продавшего душу дьяволу, но потом, как всегда, обманутого и вынужденного влачить существование проклятого фантома. Разве что цепей не хватало.

А может быть, он и был тем самым булгаковским рыцарем, что однажды неудачно пошутил, и каламбур по поводу Тьмы и Света имел для него весьма неожиданные последствия?

Все разом повернулись к двоим вошедшим. Кроме Сумеречного Фонаря, словесник успел заметить на столе разложенные планы школьных этажей, два магических шара разной величины, пару раскрытых ноутбуков между ними и еще несколько ажурных предметов из драгоценных камней, слоновой кости, каких-то маятников и циферблатов. Скорее всего – предсказательных артефактов для увеличения точности прогноза. В воздухе над столом парила объемная полупрозрачная модель школы со всеми подземными уровнями. Сумеречный Фонарь понадобился именно для ее проекции, а вовсе не чтобы показывать истинное обличье Иных.

– Сядьте, – без лишних церемоний повернулся к надзирателю Эдгар и указал на складной стул.

Дмитрий удивился: почти все Старшие, кого он узнал, стояли. Однако не подчиниться приказу надзиратель не мог. Очень скоро, впрочем, он узнал, зачем ему отвели столь почетное место.

– Максим? – Эдгар посмотрел на заместителя.

– Никакого движения, – с готовностью ответил Максим и кивнул на один из магических шаров. – Ждут наставника Дреера.

– Меня? – вырвалось у Дмитрия.

– Школу захватили три часа назад. – Инквизитор в драных рыцарских одеждах встал над Дмитрием, как живой укор. – Они сами вышли на связь. Позвонили на «горячую линию» в Праге... – Эдгар усмехнулся. Выглядело это на его сумеречном лице весьма неприятно. – Оперативная группа, разумеется, немедленно вышла сюда. Все подтвердилось. Проникнуть в здание группе не удалось. Надзиратель Лихарев на вызовы не отозвался. Потом с нами связались повторно. Сказали, школа под их контролем. И что вести переговоры согласны только через надзирателя Дреера. Не позднее чем через... – Эдгар взглянул на часы, – семнадцать минут вы должны явиться в школу. Один. Вас пропустят с той стороны.

– Кто это? – спросил Дмитрий. – Они назвали себя?

– Нет. Голос принадлежал подростку. Мы, разумеется, записали и проанализировали. Звонил некий Вадим Смеляков, родом из Петербурга. Вы его знаете?

– Как же не знать? – удивился Дреер. – Чтобы я, надзиратель, кого-то там не знал?!

Когда Смеляков появился в интернате, Дмитрий как раз учился в Праге на Инквизитора. Вадик был у них первым и пока что единственным петербуржцем. Самоинициированный ведьмак. Как большинство Иных – местных уроженцев, порожден аномалией Сумрака, которую разбудил один колдун. К счастью, колдуна года три назад арестовали и осудили на Трибунале. Смеляков же занялся «черной археологией», связавшись с местной командой более взрослых «следопытов». Способности Иного позволили ему сойти за своего. Понятное дело, Вадик не интересовался немецкими автоматами или смертными жетонами. Он выкачивал остатки Силы, что в прямом смысле слова намертво прилипли к вещам убитых, а потом отдавал уже разряженные предметы товарищам. Собирал же мальчик всякие невинные на первый взгляд безделушки. От семейных талисманов – их забирали с собой рядовые, отправленные на Восточный фронт – до опытных эсэсовских образцов.

Когда его накрыл спецотдел питерского Ночного Дозора, Смеляков применил одну из своих находок, которой научился пользоваться методом тыка. Дозорные отделались легко, но брать юного гробокопателя пришлось уже Инквизиции.

В школе Смеляков присмирел. Распорядок нарушал не больше других. Хулиганил, как все, по мелочи, только получал все время подозрительное «отлично» по Иной истории и магии вещества (в нее давным-давно переименовали морально устаревшую алхимию). Дружил, как водится, с начинающими Темными магами, недолюбливал Светлых, но не так, чтобы до драки, и в грош не ставил оборотней и вампиров.

– Я спрошу для порядка. – Эдгар наклонился к Дмитрию. – Вы заметили что-то подозрительное, когда уезжали из школы, Дреер?

– Никак нет, – ответил Дмитрий, глядя исподлобья. Он искренне старался перебрать в голове события последних дней.

– Я так и думал, – проговорил Эдгар с нотками раздражения. – Ситуация требует сканирования памяти.

– Раз так... – Дмитрий не договорил, потому что его уже не слушали.

* * *

Первое, что он увидел над собой, было лицо Ивы. В таких случаях обыкновенно шепчут разные банальности вроде «если это сон, не хочу просыпаться». Однако вмешался знакомый мужской голос, и весьма неромантично:

– Прочухался наконец-то?

- Да. – Ива теперь смотрела мимо Дреера.
- Восстановите его. И быстро!

Ива опять наклонилась над Дмитрием и принялась аккуратно и сильно надавливать активные точки на его голове и шее, одновременно вливая туда Силу. Они как будто поменялись местами: точно так же сам надзиратель год назад приводил Иву в чувство, когда девушка по его вине лишилась способностей Иной. Только Ива сейчас не била его по щекам. Лечебной магии ее наверняка обучил Майлгун.

В голове прояснилось. Дмитрий уже легко мог подняться, однако разрешил себе еще несколько секунд лежать и ощущать, как пальцы Ивы касаются его лица. Но потом все же сел.

Девушка тут же отстранилась, вид у нее стал настолько официально-холодный, что еще чуть-чуть – и складки инквизиторского плаща покрылись бы снежными хлопьями. Под плащом мелькнула кобура, блеснула черная рукоятка.

Дмитрий огляделся, не вставая, и почувствовал себя маленьким мальчиком, что мешается у взрослых под ногами. Он сидел на туристическом коврикe, а вокруг деловито передвигались серобалахонники. Ведущий аналитик Бюро, в Сумраке похожий на снежного человека, вместе с напарником синхронно отбивали дробь на клавиатуре. Между ними светился магический шар, и Дмитрий узрел в нем знакомые картинки, например, вечно опущенное из-за птоза левое веко Лихарева – за эту особенность начальник школьного Надзора и удостоился прозвища Одноглазое Лихо.

Картинки были смутными и как-то необычно меняли друг друга. Ясное дело, Инквизиторы копались в информационных снимках памяти Дреера.

- Ничего, – приговаривал сумеречный йети. – Пока ничего...
- Некогда ждать! – недовольно сказал Эдгар. – Поднимите его кто-нибудь!

Ива сделала было шаг к Дмитрию, но тот вскинул руку:

- Не надо. Я сам.

Глубокое чтение памяти – неприятная штука и требует времени, чтобы после этого прийти в себя. Экспресс-меры, конечно, помогли, но все же Дреер, поднявшись на ноги, пошатнулся.

Вокруг, оттеснив Машкову, захопотали трое Инквизиторов, как будто снимали с Дмитрия мерку: то ли для гроба, то ли для парадного костюма. Впрочем, словесник прекрасно знал, что на самом деле ушлые серые молодцы обвешивают его всеми мыслимыми следящими заклинаниями.

– Слушайте меня, Дреер. – Эдгар сидел перед ним на раскладном стуле, наблюдая за манипуляциями, точно режиссер на съемочной площадке. – Вы пойдете до школы один. Сопровождать вас никто не будет. Через Сумрак на связь не выходите. У вас микронаушник, мы все и так записываем. А насколько они контролируют окрестности, пока не ясно...

Как раз в этот момент Дмитрию что-то бесцеремонно всунули в ухо.

– ...Будем надеяться, они станут полагаться только на магию. А мы – на их легкое головокружение от успехов. Ваша задача – собрать информацию, и только! Вы меня поняли, Дреер? Соглашайтесь, обещайте всё. А еще учтите... Один раз вам уже удалось предать Инквизицию и отделаться легким испугом. Если бы не Дункель, ваша тень уже навечно была бы в Сумраке. Второго раза не будет!

- Так точно, – спокойно ответил Дреер. – Разрешите идти, Старший?

– Дайте ему фонарь. – Эдгар повернулся к Инквизиторам, как будто нашел свежее спешное решение. – Да не Сумеречный!

К Дмитрию подошел француз Клод – один из тех, с кем словесник вместе учился на курсах в Праге, но не сдружился настолько, как с Машковой и Люэллином. Галл кивнул, улыбнулся и протянул фонарик – черную металлическую коробку с круглым отражателем.

Дмитрий помнил, тот слыл большим старьевщиком, завсегдаем парижских блошиных рынков. Там он заодно периодически находил и волшебные предметы. Как всякий уважающий себя молодой Инквизитор, Клод не распространялся, почему вдруг променял Тьму на серый плащ. Однако можно было не особо сомневаться, что история, толкнувшая его на это, была связана с одной из подобных игрушек. Возможно, он разыскал нечто, способное дать настолько сильное преимущество Дневному Дозору, что насмерть перепугался. А ведь французский Ночной Дозор считается сильнейшим в Европе, если не в мире...

Но в этом фонарике, похожем на табакерку с лампочкой, ничего сверхъестественного не было. В нем даже проводков никаких не имелось: Дмитрий вспомнил, что брал такой в детстве у отчима. С мальчишками из соседских домов они тогда любили в темное время поиграть в захват планеты инопланетянами, стреляя лучами фонариков, будто лазерами.

Интересно, во что играли те, кто держит заложников в школе? Смеляков, когда попал в интернат, вроде бы увлекся страйкболом.

Дмитрий благодарно кивнул французу и шагнул к выходу из палатки. Ива оказалась рядом с ним, а снаружи их встретили несколько фигур, одетых в серый камуфляж. Эти держали в руках натовские автоматические винтовки. Можно было даже не заглядывать в Сумрак, чтобы ощутить, какими заговорами обработаны пули в магазинах и казенниках.

Ива случайно коснулась руки Дреера. Или ему показалось, что случайно?

* * *

Дорога привела бы Дмитрия в школу без фонарика и путеводных заклинаний. Мало того, чем ближе становился интернат, тем спокойнее чувствовал себя Дреер. Во-первых, в своем доме и стены помогают. Во-вторых, кого он точно не боялся, так это собственных поднадзорных, даже если несколько остолопов с ног до головы обвешали себя разрывными артефактами. Но фонарик, врученный Клодом, все же пригодился: с его лучом двигаться было как-то веселее.

Дмитрий ожидал, что с ним заговорят через Сумрак. Назовут условия, скажут, куда подойти. Может быть, станут угрожать или обыщут магическим прикосновением.

Сумрак безмолвствовал.

Школа показалась из-за деревьев неожиданно. Дрееру случалось возвращаться туда ночью, однако путника неизменно встречал свет в окнах учебного и жилого корпусов. А сейчас не видно было ни огонька, ни искорки. Вот поэтому интернат как будто внезапно выскочил из леса, точно хищный зверь, и замер, принохиваясь к человеку с фонарем.

А человек демонстративно вышел на центральную аллею и двинулся к крыльцу, продолжая запускать перед собой бегущее вприпрыжку пятно света.

Статуи волков по обе стороны крыльца, кажется, покосились на Дмитрия и покачали головами. Мол, ты это... того... осторожнее, двуногий.

Входная дверь была открыта. Изнутри тянуло холодом. В лицо Дмитрию выплеснулся порыв ледяного ветра и принес ворох снежинок. Снег захрустел и под ногами, когда Дреер переступил порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.